

Лина Винчестер

TATTOO

18+

Эскиз нашей
любви

Young Adult. Молодежная российская проза

Лина Винчестер
Эскиз нашей любви

«ЭКСМО»

2023

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Винчестер Л.

Эскиз нашей любви / Л. Винчестер — «Эксмо», 2023 — (Young Adult. Молодежная российская проза)

ISBN 978-5-04-187783-5

Энди Уолш – прилежная студентка. Все, о чем она мечтает, – стабильность и хорошие оценки. Новые знакомства пугают ее, поэтому, чтобы избежать излишнего внимания противоположного пола, девушка говорит всем, что у нее есть парень, и просит друзей поддержать эту легенду. Но когда в жизни Энди появляется Кэмерон, ее броня дает трещину. Самый популярный парень кампуса работает в тату-салоне, постоянно попадает в неприятности и хранит страшную тайну. Он готов пойти на все, чтобы завоевать сердце девушки. Но сможет ли Кэмерон измениться ради возлюбленной или их отношения обречены на провал?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-187783-5

© Винчестер Л., 2023
© Эксмо, 2023

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	18
Глава 4	26
Глава 5	34
Глава 6	40
Глава 7	44
Глава 8	49
Глава 9	56
Глава 10	69
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Лина Винчестер

Эскиз нашей любви

Иллюстрация на обложке ITA GOTDARK

Винчестер, Лина.

Эскиз нашей любви / Лина Винчестер. – Москва: Эксмо, 2023. – 512 с. – (Young Adult. Молодежная российская проза).

ISBN 978-5-04-179587-0

Freedom

© Лина Винчестер, 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Глава 1

*Кампус. Неподалеку от тату-салона.
28.01.18. Вечер.*

На часах девять вечера, а я бегу по улице в пижамных штанах, на которых нарисован Багз Банни, жуящий пиццу. Перепрыгиваю через многочисленные лужи, стараясь не намочить белые конверсы; поворачиваю за угол, на ходу застегивая джинсовую куртку, чтобы спрятаться от порывистого весеннего ветра.

Когда твоя сестра звонит в слезах и просит как можно скорее прийти к ней, то времени на выбор наряда совершенно нет. Бросив сериал и теплую комнату в общежитии, я мчусь на помощь, еще не понимая, что именно произошло у Келси.

Миную перекресток, расталкивая компанию студентов, гуляющих в воскресный вечер. Келси сидит на скамейке, темные волосы в беспорядке и растрепаны. Хрупкие плечи содрогаются от частых всхлипов. Утирая слезы, Келси берет бутылку вина, спрятанную в бумажный пакет, и, запрокинув голову, жадно припадает губами к горлышку.

Остановившись рядом с ней, я сгибаюсь от усталости, упираю руки в колени и стараюсь выровнять дыхание после этой пробежки.

– Энди! – Келси радостно всплескивает руками. На ее щеках темные разводы от туши, и они слишком уж контрастируют на фоне счастливой улыбки. – Я думала, что ты уже не придешь.

– Что случилось? – взволнованно спрашиваю я, выпрямляясь и потирая бок, в котором у меня вдруг закололо.

– погоди, – подняв указательный палец, она прикрывает глаза и, достав из кармана телефон, на ощупь регулирует громкость музыки в наушниках. – Я с самого начала знала, что ты своло-о-о-очь, – пискливо пропевает она.

– Келс, твою мать! – я хватаю пальцами провод от наушников и выдергиваю их. – Какого черта?

Она старше меня всего на три года, но такое ощущение, что сейчас мы поменялись ролями. Хотя такое происходит постоянно. Все считают Келси легкой на подъем, веселой и душой компании, а меня – немного зажатой, тревожной и холодной. Я не то чтобы необщительна, просто мне нужно привыкнуть к человеку, чтобы чувствовать себя с ним комфортно.

– У меня проблема, – Келси предлагает мне вино, но я отказываюсь, мне не терпится узнать, что у нее стряслось. Она делает несколько больших глотков, а затем морщится. – Кислое, зараза.

– Какая проблема, Келс?

– Огромная.

– Оу, – усмехнувшись, я складываю руки на груди, – это многое объясняет. Может, расскажешь?

– Не-а, – прикусив обветренную губу, она мотает головой. – Лучше покажу.

Сделав еще несколько глотков вина, Келси встает и расстегивает кожаную куртку. Ухватив пальцами край белого свитера, она поднимает его, оголяя плоский загорелый живот. Хочу съязвить о бесплатном стриптизе, но мои слова теряются, когда я вижу проблему: сбоку, внизу живота, яркий красный рисунок в виде сердца, а в нем черными витиеватыми буквами написано «Чендлер».

– Какого... – наклонившись, я внимательно рассматриваю рисунок, а затем дотрагиваюсь до него пальцами.

– Ауч! – Келси отпрыгивает, опуская свитер. – Руки холодные!

– Скажи, что это переводная, – прошу я, указывая на ее живот пальцем. – Скажи, что это смывается.

– Нет, Энди, нет.

– Ладно, – сжав пальцами переносицу, делаю глубокий вздох, борясь одновременно с желанием рассмеяться и накричать на Келс. – Как давно ты ее сделала?

– Осенью.

– Осенью?! – почти взвизгиваю я, и сестра вздрагивает от испуга. – И ты говоришь об этом только сейчас?

– Я не могла найти подходящего момента, – пожав плечами, она тянется за бутылкой.

– Хорошо, допустим, ты не могла найти момента. Но кто такой этот, мать его, Чендлер? Я знаю, что ты фанатка сериала «Друзья», но не настолько же.

– Ты сейчас что, – икнув, спрашивает Келси, – серьезно?

– Макс тебя убьет, если увидит. Кстати, как ты объяснила ему это?

– Энди, ну ты чего? – протянув руку, она щелкает пальцами перед моим лицом. – Макс и есть Чендлер.

Приходится напрячь память, чтобы понять, о чем она говорит. Келси начала встречаться с Максом еще в средней школе. Максанс – его фамилия. А знаете, как бывает, когда человека постоянно называют по фамилии, а потом так удобно сокращают ее, что вскоре вовсе забывают его имя? Это тот самый случай. Келси и, как оказалось, Чендлер поступили в разные университеты и поддерживали отношения на расстоянии.

После выпуска из универа Келс устроилась работать в нотариальную контору, а Макс поехал в тур по штатам со своей группой, которая, если честно, звучит очень плохо, да и еще бог знает почему называется «Синие викинги». Выступают «викинги» в полупустых ночных барах, но чувствуют себя новыми «Битлз». Келси тяжело справляется с отношениями на расстоянии, но я еще ни разу не видела, чтобы она плакала из-за сложностей с Максом. Либо сейчас на нее действует вино, либо случилось что-то посерьезней, чем ссоры из-за ревности.

– Келс, в чем дело?

Она молчит несколько долгих секунд, а затем опускает голову.

– Этот урод позвонил мне посреди ночи. Он был пьяный, рыдал. Признался, что изменял мне со своими фанатками. И не раз, – глотнув вина, Келс хмыкает, а в покрасневших глазах поблескивают слезы, но она быстро старается улыбнуться, чтобы скрыть их. – А я, дура, верила, что мы созданы друг для друга. И откуда у его группы вообще взялись фанатки?

– Вот же черт, – шепчу я. – Милая, мне так жаль.

– Мы были помолвлены, а он продолжал спать с какими-то девками и врать мне. Ненавижу! – вскрикивает она, топнув ногой. – Мне нужно избавиться от этого рисунка, потому что у меня такое чувство, что его имя прожигает дыру в моем животе. Пожалуйста, Энди, скажи, что все будет хорошо.

– Конечно. Конечно будет, – я протягиваю руки и крепко обнимаю ее. – Мы все исправим, милая.

– Ублюдок, – бормочет она, прижавшись губами к моему плечу. – Кстати, Энди?

– Да?

– Ты же в курсе, что стоишь посреди улицы в пижамных штанах?

– А у тебя на животе набито имя «Чендлер».

– Ладно, ты выиграла.

– Когда будем исправлять?

– Прямо здесь и сейчас.

Отстранившись от меня, Келси указывает на неоновую вывеску тату-салона «Скетч». Голубой свет букв отражается в лужах на асфальте, квадратные стекла закрыты жалюзи, и за ними мне представляются полуголые курящие байкеры, бьющие друг другу татуировки на спинах и руках.

– Пойдем, – Келси тянет меня к дверям, – набьем мне новую жизнь.

Тату-салон «Скетч» удивил меня с порога. Я ожидала увидеть мрачный интерьер, но зал просторный и светлый. На одной из стен – белые глянцевые полки, на которых расставлены цветные буквы и небольшие розовые светильники-фламинго. Повсюду яркие картины в стиле поп-арт, вроде панно из портретов Мэрилин Монро в разных цветах и консервных банок «Campbell». Парочка белых статуэток с ангелами, на фарфоровых телах которых маркерами нарисованы татуировки. В центре зала стоит ярко-зеленый диван и два фиолетовых кресла напротив него, а между ними – стеклянный журнальный столик.

Из соседнего зала слышится жужжание машинки, и я невольно представляю, как это больно – когда игла впивается в твою кожу и впрыскивает краску. За стойкой сидит девушка. Она увлечена подпиливанием своих ногтей, поэтому даже не обратила на нас внимания, когда мы вошли. У нее ровная челка, темные волосы убраны в пучок, а на голове повязана красная бандана. Черные стрелки, кроваво-красная помада, а на нижней губе, сбоку – пирсинг в виде колечка.

– Привет, девчонки, – наконец, заметив нас, улыбается она. – Меня зовут Мэй, чем могу помочь? Тату или пирсинг?

– Нам бы как можно скорее перебить старую татуировку, – говорю я, подталкивая внезапно оробевшую Келси.

Заинтересовавшись, Мэй откладывает пилочку для ногтей.

– Пьяная ошибка? Или на спор?

– Нечто среднее, – отвечает Келси.

– Со всеми бывает, – закусив металлическое колечко, Мэй заглядывает в открытый ноутбук. – К какому мастеру вас записать?

– Неважно, главное, чтобы здесь и сейчас.

– Не получится, – цокнув языком, она качает головой. – Все мастера заняты, да и на ближайшее время все забито. В конце следующей недели вас устроит?

– Но мне нужно сейчас, – Келси морщит нос и потирает живот, будто тату и правда жжется. – Пожалуйста, я очень хочу от нее избавиться.

– Все настолько плохо?

– Еще хуже, – отвечаю я.

– Покажешь? – с интересом просит Мэй.

Келси передает мне полупустую бутылку с вином, распахивает куртку и поднимает край свитера.

– О, черт! – Мэй со смехом прижимает ладонь к губам. – Плохо дело. Ты, к тому же, сейчас выпила – не думаю, что ребята возьмутся, – прикусив губу, она барабанит пальцами по стойке. – Сейчас позову мастеров, посмотрим, что можно сделать.

Мэй поворачивается на крутящемся стуле и, откинувшись на спинку, громко выкрикивает:

– Кэм, Зейн!

– Что у тебя там? Я не буду снова играть в морской бой, Мэйс, я работаю.

Из проема круглой арки показывается парень. На нем белая футболка, поверх которой надет черный фартук, и это слегка пугает, пробудив в воображении картины иголок и огромных пятен крови.

А еще я знаю этого мастера, но не то чтобы лично. Это Кэмерон Райт. Мы вместе ходим на социологию. Правда, он появляется на занятиях только по праздникам или заглядывает туда от скуки.

Даже несмотря на то, что Кэмерон не отличается спортивным телосложением, не наделен смазливой улыбкой и милыми ямочками на щеках и даже не разъезжает по городу на мотоцикле с загадочным видом, он все же довольно популярен в кампусе.

Кэмерон воплощает в себе идеальную небрежность. Его загорелые руки украшены множеством маленьких татуировок. Природа будто решила поиздеваться над нежными женскими чувствами и наделила этого парня острыми скулами и яркими голубыми глазами. Взъерошенные каштановые волосы выглядят так, словно Кэмерон забыл расчесаться, но, черт возьми, ему это идет.

Эстетичная внешность поп-рок музыканта и широкая открытая улыбка тут же располагают к Кэмерону. Неудивительно, что Кэм – один из самых популярных парней кампуса. Многие девушки мечтают с ним встречаться, постоянно болтают о нем, и я даже пару раз видела на парте его имя, обведенное в сердечко. Девушки любят таких парней, как Кэмерон. Он – нечто вроде прыжка с обрыва. В таких влюбляются сильно, окончательно и бесповоротно.

– Что такое? – спрашивает он у Мэй, разводя руки в стороны.

– У нас тут стандартная ситуация, – она кивает в сторону Келси. – Срочная перебивка. Поможешь?

Кэмерон поправляет спадающие на лоб волосы кончиками пальцев и переводит взгляд на Келс.

– Ну, и что у нас тут? – с улыбкой интересуется он. – Имя бывшего или грязное словечко?

Вздыхнув, Келси вновь поднимает свитер. Кэм подходит ближе и наклоняется, чтобы рассмотреть рисунок, а затем издает смешок.

– Серьезно? Умоляю, скажи, что это в честь Чендлера Бинга.¹

– В честь бывшего.

¹ Чендлер Бинг – один из главных героев сериала «Друзья».

– Твою мать, – он выпрямляется и, запрокинув голову, тяжело вздыхает. – Когда уже люди поймут, что нельзя набивать имя своей половины, если не хочешь с ней расстаться?

– Можешь сделать с этим что-то? – спрашиваю я, шагнув вперед.

Кэмерон будто только сейчас замечает меня. Он точно узнал мое лицо и теперь вглядывается в него, пытаясь вспомнить, где видел меня. Задерживая взгляд сначала на бутылке вина, зажатой в моих пальцах, а затем на дурацких пижамных штанах с Багзом Банни, Кэм начинает улыбаться, а я, заметив это, вдруг вспоминаю о своем виде и скрещиваю ноги, стараясь хоть как-то спрятать глупые рисунки.

– Могу, но не сегодня.

– Ну пожалуйста, – Келси вновь приподнимает свитер. – Посмотри, я не могу ходить с этим.

– Видимо, придется.

– Пожалуйста-пожалуйста? – хлопая ресницами, она растягивает дрожащие губы в натянутой улыбке.

– Первое, – говорит Кэмерон, указывая на бутылку, – я не работаю с выпившими. Второе – работа будет очень болезненной и займет много времени, потому что этот шедевр тебе бил садист-недоучка и загнал краску под эпидермис. Ну и третье, – он оглядывает Келси с головы до ног, – я очень хочу, чтобы мой друг это увидел. Может, он захочет поработать с тобой.

Он оборачивается и делает глубокий вдох, перед тем как выкрикнуть:

– Зейн!

– Я тут немного занят.

– Поверь, ты не пожалеешь.

Жужжание машинки прерывается, а затем слышатся шаги.

В проеме появляется высокий брюнет с хмурым взглядом. Он опирается плечом о стену. Подтянутый, весь в черном, он привлекателен и напоминает тайного агента. Зейн снимает нитриловые перчатки и, скомкав их, кидает в корзину для мусора рядом со стойкой. В этот момент у Мэй звонит мобильный; она встает и, взяв пачку сигарет, выходит на улицу, бросив парням, что отлучится всего на пару минут.

– Тут девушка хочет перебить тату. Возьмешься?

Зейн удивляется и внимательно смотрит на меня: я держу в руках бутылку вина, которую прижимаю к груди, как плюшевого мишку.

– Не пьяный Багз Банни, а ее подруга.

– Это моя сестра, и я не пьяная.

– Прости, – Кэмерон прикладывает ладонь к груди. – Выпившая сестра Багза Банни хочет перебивку.

– Покажи, – просит Зейн, отходя от стены.

Келси нехотя в очередной раз поднимает свитер.

– Это не Чендлер Бинг, – предупреждает она. – Имя бывшего.

– Черт возьми, – Зейн устало вздыхает и подходит ближе. – Ты у кого набивала? У школьника?

– В тату-салоне рядом с одним баром. За пятнадцать долларов.

Парни усмеваются.

– Дилетанты, – бормочет Кэмерон.

– Татуировка за пятнадцать долларов? Ты же должна была понимать, что, чем дешевле, тем хуже.

Келси переводит взгляд на меня, и я вижу, что она готова расплакаться. Шмыгнув носом, она опускает голову, пряча покрасневшее лицо за волосами.

– Так, – Зейн отмахивается, направившись в рабочий зал, – я пошел. Не хватало мне женских слез, у меня там парень набивает бульдога на ступне, и он тоже вот-вот расплачется. Хватит с меня драмы на сегодня.

– Я тоже пошел работать. Удачи вам, девочки, – Кэмерон салютует рукой и идет вслед за другом, но я преграждаю ему путь.

– Пожалуйста, помоги ей. У нее же имя «Чендлер» на животе! Этот урод разбил ей сердце.

– Кажется, – он вскидывает брови, – я уже дал свой ответ.

– Слушай, она совершила ужасную ошибку. Прошу, помоги ей, это твоя работа, в конце концов. А если нет, то я сегодня же оставлю огромный отзыв на вашем сайте и поставлю одну звезду. И друзей попрошу поставить.

По выражению лица Кэма непонятно, хочет ли он сейчас рассмеяться или схватить меня за шкуру и вышвырнуть отсюда. Он внимательно изучает мое лицо, будто пытается прикинуть, насколько я пьяна. Я не отвожу взгляд, чтобы показать, что трезвая даже несмотря на то, что стою в пижаме посреди тату-салона, в обнимку с бутылкой красного вина.

Вместо ответа Кэм подходит к стойке, чтобы взять карамельку из небольшой вазочки.

– Ну, пожалуй, тут я соглашусь. Да, это моя работа, – он закидывает конфету в рот и, кинув фантик на рабочее место Мэй, облачивается на стойку. – Но твоя сестра пьяна, а наш салон не работает с выпившими людьми, даже если у них набиты такие жуткие партаки².

– Хочешь сказать, – поставив бутылку на стойку, указываю на кучу мелких дурацких рисунков, вроде хартограммы и переломанного скейта на его руках, – что все эти татуировки ты набивал трезвым?

– Отличная попытка, мисс «Я-хожу-в-неглиже». Твоя сестра выпила, а это значит, что ее давление поднялось и кровь стала более жидкой. Это приведет к излишнему кровотечению и помешает прорисовывать тени и детали. Над предыдущей тату работал мясник, придется изрядно постараться, чтобы скрыть этот ужас. Сейчас я не буду за это братья, и Зейн тоже.

Кэмерон внимательно смотрит на испуганную Келси, и я замечаю, что он едва сдерживается от желания широко улыбнуться.

– Эй, бывшая Чендлера, ты хочешь залить здесь все кровью? Буквально все будет в ней, как в финале любого фильма Тарантино, чистого места не останется.

Побледневшая Келси трясет головой из стороны в сторону. Меня злит, что Кэм издевается над ней, и, прикусив губу, я едва сдерживаюсь от того, чтобы не выругаться вслух.

– Очень умно накручивать пьяного и без того испуганного человека.

– Очень умно подкалывать кого-то, когда ты стоишь в пижамных штанах.

Вдруг на стойке зазвонил телефон, и я вздрогнула. Он сделан на старый лад: с клавишами и спиральным проводом, а полностью прозрачный корпус при каждом звонке подсвечивается разноцветными огоньками.

– Может, возьмешь? – неуверенно спрашиваю я, потому что Кэмерон слишком долго и увлеченно разглядывает мои пижамные штаны, не обращая внимания на звонок.

– Это не моя работа. Что он ест? Это пицца?

Перевожу взгляд на свои штаны.

– Да, – со вздохом отвечаю я.

– Забавно.

– Не могу передать, как счастлива от того, что ты оценил их.

² Партак – сленговое название татуировки у уголовников, также известное как «наколка». Как правило, это рисунки, набитые «на коленке» при помощи чернил для ручки. Они не отличаются качеством и сделаны подручными средствами без соблюдения норм гигиены.

В ответ Кэмерон лишь усмехается. В салон возвращается Мэй и с недоумением смотрит на звонящий телефон.

– Почему не ответишь? – спрашивает она Кэма.

– Потому что я не администратор.

Скорчив недовольную гримасу, она обходит стойку и берет трубку. Кэмерон еще раз осматривает нас и поворачивается к Мэй:

– Запиши бывшую Чендлера на ближайшее свободное время.

– К кому именно записать? – спрашивает она, прикрывая ладонью трубку.

– К тому, кто посимпатичнее.

Кэм берет из вазочки еще одну конфету и протягивает ее мне.

– Ты тоже приходи, набьем что-нибудь взрослое в стиле волшебного мира Диснея.

– Спасибо, – я складываю руки на груди, – обойдусь.

Он держит конфету перед моим носом, а я продолжаю молча смотреть на него с раздражением. Напугал мою сестру, а теперь сладостями угощает. Просто не парень, а ведьма из пряничного домика.

Усмехнувшись, Кэм протягивает ко мне руку. Я хочу отстраниться, но он успевает поймать пальцами медную пуговицу на верхнем кармане моей куртки и, раскрыв его, кладет туда маленькую карамельку. А затем подходит еще ближе, чтобы застегнуть карман. Хочу отпрянуть, но мои ноги будто приросли к полу.

– До встречи, – говорит Кэм, и, похлопав ладонью по стойке, пятится к рабочему залу. – И обещайте быть трезвыми. Обе.

– Непременно.

– Если что, пиво – тоже алкоголь.

– Мы постараемся запомнить, мистер Райт.

Кэмерон замирает, а затем его лицо озаряет та самая широкая и притягательная улыбка. Этим выражением он словно говорит: «Ты одна из моих поклонниц, я знаю».

– Мы вместе ходим на социологию, – быстро бросаю я, чтобы прогнать придуманный им образ его фанатки, – а преподаватель каждый раз аплодирует, когда ты там появляешься.

– Люблю эффектно появляться.

Глава 2

*Университет.
29.01.18. Утро.*

День не задался с самого утра. Я проспала первую пару, потому что большую часть ночи мы с Келси провели в ее однокомнатной квартирке, разговаривая о Максе, который на самом деле оказался Чендлером.

На социологию я, к счастью, успеваю, прихожу даже на десять минут раньше звонка. Вход в эту аудиторию находится в конце зала, поэтому я прохожу по нескольким ступеням, чтобы проскользнуть на предпоследний ряд амфитеатра и занять свое место.

– Привет, – говорю я, плюхаясь рядом с Джин.

Перекинув копну светлых волос с одного плеча на другое, Вирджиния прищуривается, и ее голубых глаз становится почти не видно за густыми наращенными ресницами.

– Ты пропустила тест, – недовольно бормочет она. – Разве мы не договаривались прогуливать вместе?

– Прости, ночевала у сестры, – я кладу тетрадь на парту и откидываюсь на спинку стула. – Телефон разрядился, так что будильник не сработал, и я проспала.

Спустя десять минут в нашей огромной аудитории слышится голос мистера Гарднера, и мы с Джин перестаем болтать. Я почти не слушаю преподавателя и, вырисовывая на полях витиеватые узоры, думаю о Келси, предательстве Максанса и о том, как она вообще решилась на такую татуировку.

Двери за моей спиной раскрываются, входят опоздавшие студенты, но я оборачиваюсь лишь тогда, когда мистер Гарднер начинает звонко аплодировать. И я даже знаю, кому именно.

Кэмерон поднимает зажатую в пальцах тетрадь и салютует ею преподавателю.

– Какая честь, – прислонившись бедром к краю стола, мистер Гарднер складывает руки на груди. – Чем обязаны, мистер Райт?

– Я просто соскучился по вам, – отвечает тот, и в аудитории слышатся смешки. – Сосед по комнате разбудил меня, потому что я повторял ваше имя во сне.

– А татуировку с моим лицом случайно не набили?

– Конечно же набил, только не спрашивайте где.

У Вирджинии звонит телефон, и дурацкий рингтон «Крейзи Фрог», который должен был давным-давно вымереть, раздаётся в кабинете.

Кэмерон смотрит на Джин, а затем замечает и меня. Улыбнувшись, он подмигивает, и я тут же отворачиваюсь. Спустя несколько секунд слышу приближающиеся к нам шаги, а затем – как позади меня отодвигается стул. Кэм сел прямо за мной, и мне почему-то сразу хочется пересесть.

– Ладно, – мистер Гарднер хлопает в ладоши, привлекая внимание студентов. – Напоминаю вам, что я уже давно не надеюсь на то, что вы выключите телефоны на занятиях, но прошу хотя бы убрать звук. Поскольку сегодня сам господин Удача посетил мою лекцию, думаю, что все пройдет хорошо.

– Всенепременно, – откликается господин Удача за моей спиной.

Мой затылок буквально горит: я чувствую, как Кэм на меня пялится. Из-за этого ощущения мне почему-то сложно сосредоточиться на теме лекции, своих мыслях и даже на дыхании.

– Эй, Багз Банни, – слышу я тихий голос.

Принципиально не отвечаю, потому что не хочу, чтобы он продолжал называть меня так.

– Банни, – повторяет он.

– Мне кажется, – шепчет Джин, наклонившись ко мне, – или тебя зовет Кэмерон?

– Тебе кажется, – бормочу я.

– Сомелье.

Как только я думаю, что попытки Кэма выдумать для меня еще более унижительное прозвище заканчиваются, он продолжает:

– Пьянчужка.

Я не реагирую на призывы, но вздрагиваю, когда он тычет мне в спину. Прикрыв глаза, делаю медленный вдох, пытаюсь успокоиться, и оборачиваюсь.

Опустив локти на парту, Кэм подается вперед, но ничего не говорит. Посмотрев на него пару секунд, киваю, спрашивая, чего он хотел.

– Я тебя звал, – поясняет он.

– Правда? А я не слышала.

– Да ладно, у меня уже заканчивается фантазия. Если бы ты не обернулась, то в ход бы пошла «забуддыга».

– Меня зовут Энди.

– Кажется, я так и сказал, милая.

Я отворачиваюсь от него. Но как только это делаю, в спину вновь тыкают пальцем. Крепко сжав ручку, оборачиваюсь.

– Ну что? – нервно шепчу я.

– Не одолжишь лишнюю ручку? – спрашивает он. – Пожалуйста.

Лезу в сумку, нахожу там ручку, и, не оборачиваясь, протягиваю ее. Кэмерон забирает ее и тыкает мне в спину уже ею.

– Спасибо, – широко улыбаясь, он начинает щелкать кнопкой авторучки, – Банни.

Отлично, ему скучно, и он решил вывести меня из себя.

– Не за что, Коди, – натянув улыбку, отворачиваюсь.

По тому, как участились тычки в спину, понимаю, что провокация удалась: я задела Кэмерона, назвав его другим именем. Продолжаю игнорировать его, надеясь, что он отвлечется на кого-нибудь еще, но вдруг слышу, как стул позади меня отодвигается со скрипом.

Кэм садится на свободное место рядом со мной. Не реагируя, я усердно делаю вид, что полностью сосредоточена на конспекте. Джин следит за происходящим, не скрывая любопытства; я чувствую, как ей не терпится задать уйму вопросов, но взглядом прошу ее не делать этого.

– Ты же знаешь, – шепчет Кэм, склоняясь ко мне, – что меня зовут не Коди.

– А ты теперь знаешь, – отвечаю я, не отрывая взгляда от тетради, – что меня зовут не Банни и не Пьянчужка, и уж точно не Сомелье, – откладываю ручку и наконец поднимаю голову. – Обидно, когда тебя называют чужим именем, не так ли, Ксавьер?

По тому, как Кэмерон поджимает губы, понимаю, что он старается спрятать улыбку. Тут, будто перестав меня замечать, он нагибается через меня к Вирджинии. А мне, тем временем, приходится вжаться в спинку стула, потому что Кэм нагло нарушает мое личное пространство.

– Она всегда такая злока? Или просто с похмелья?

– Ну, – Джин подпирает щеку рукой, – она становится злой только когда в нее тыкают разными предметами.

У меня тут же вспыхивают щеки и появляется желание биться головой о парту. А еще я хочу убить Джин за эту неоднозначную шутку.

– Ты понял, – поспешно добавляет она, – что я имела в виду.

– О, разумеется, – он протягивает ей руку и представляется, глядя на меня. – Кэмерон.

– Джин.

– Так у тебя даже подруга носит имя, связанное с алкоголем, да?

– Да. А меня называют сумасшедшей матерью-текилой, теперь все?

– Все, – закинув руки за голову, Кэм откидывается на спинку стула. – Теперь мне все с тобой ясно.

Он даже не думает возвращаться на свое место и продолжает сидеть, глядя на мистера Гарднера с видом самого заинтересованного студента. Проходит пара минут, а в моей голове до сих пор крутится фраза: «Мне все с тобой ясно».

Что именно ему ясно?

Эти слова, как зудящий комариный укус, не дают мне покоя. Искоса посматриваю на Кэма, но теперь уже он делает вид, что очень увлечен конспектом.

– И что тебе ясно? – шепчу я.

Он не отвечает, хотя услышал меня. Разозлившись, тыкаю его ручкой в предплечье. Когда и это остается без внимания, мне приходится сделать именно то, чего он добивается – позвать по имени:

– Кэмерон.

– Что такое? – поправив челку кончиком ручки, удивляется он.

– Что именно тебе со мной ясно?

– А, ты об этом, – усмехнувшись, кивает он. – Ну, твоя подруга Джин сказала, что ты злишься, когда в тебя тыкают разными предметами. Еще вчера я узнал, что ты любишь прикладываться к бутылке, – прикусив кончик ручки, он ненадолго замолкает. – Значит, ты просто фригидная пьяница.

Меня разозлили его слова, но вместо возмущений я лишь усмехаюсь.

– Ладно, что тебе от меня нужно? – спрашиваю я и, кажется, этот вопрос удивляет Кэмерона.

Но я действительно не понимаю, почему он сел сюда, устроил игру с дурацкими прозвищами и шутками.

Я бы не была удивлена тому, что парень проявил симпатию по отношению ко мне, потому что не считаю себя серой мышью или замухрышкой. Я вполне обычная студентка, которая ходит на вечеринки, успевает учиться и подрабатывать официанткой в местной закусочной. Но обычно парни не подкатывают к девушкам со словами: «Ты фригидная пьяница». Или это я что-то не понимаю в современных ухаживаниях?

– На твоём месте я бы не был так самонадеян, – говорит он, будто отвечая на мои мысли. – Просто хотел одолжить ручку, а затем ты нарочно назвала меня другим именем, и меня это взбесило. Но, к слову, – он пожимает плечами, – мне нравятся фригидные пьяницы.

– Ты ведь знаешь, что я не пила вчера.

Кэмерон смотрит на меня, улыбаясь, а затем склоняется к моему уху. Теплое дыхание щекочет кожу, и по шее ползут мурашки, когда он шепчет:

– Спасибо за ручку, Энди.

Наверное, даже Джонни Депп, так сексуально рекламирующий парфюм, не смог бы поблагодарить меня за одолженную ручку таким же привлекательным полушепотом. Кэмерон отстраняется и вновь увлекается темой занятия, а мне с того момента сосредоточиться стало гораздо сложнее.

Все оставшееся время Кэм не произносит ни слова, если не считать пары колких комментариев, предназначенных для мистера Гарднера. Когда звенит звонок, парень потягивается, а затем не спеша поднимается с места.

– Еще увидимся, Банни, – подмигнув, он протягивает мне одолженную ручку.

Джин молча провожает Кэмерона взглядом до тех пор, пока он не скрывается за дверями аудитории, а затем в восторге обращается ко мне и толкает меня в плечо.

– Мне нужны подробности.

– Ничего интересного, – бормочу я, вытаскивая из волос карандаш, который служит заколкой.

– А что он там говорил о том, что вчера ты прикладывалась к бутылке? Где ты пересеклась с Кэмом?

– Мы с Келси вчера заходили в «Скетч», – отвечаю я. Закинув сумку на плечо, иду вдоль светлого коридора, не оборачиваясь, потому что знаю, что Джин идет следом за мной и внимательно слушает. – Она хотела перебить старое тату, но была пьяна, поэтому они не взялись.

– Ты так покраснела, когда он подсел к тебе.

– Замолчи, не было такого.

Я толкаю стеклянную дверь, которая ведет на улицу, и яркий свет солнца заставляет меня щуриться.

– Мне туда, – указываю на библиотеку.

– А мне в большой корпус. Пока, Банни, – приторным голосом щебечет она, прижав ладонь к груди.

Не скрывая раздражения, корчу в ответ недовольную гримасу и отмахиваюсь. Срезаю путь через парковку и бреду вдоль машин. Не проходит и пары минут после нашего расставания, как Джин уже звонит мне.

– Ты ведь хочешь? – с первого слова спрашивает она.

– Чего? – спрашиваю я и останавливаюсь, пока ищу в сумке библиотечную карточку, на которой уже висит долг за несколько взятых книг.

– Чтобы Кэм поработал с тобой своей тату-машинкой.

– Заткнись.

– Ну признайся, ведь хочешь.

– Да, сплю и вижу. Приду в салон и выкрикну: «Давай же, Кэм, забей меня с головы до ног! Я очень хочу, – войдя в роль, прикладываю ладонь к груди и поднимаю взгляд к небу, – твою татуировку». А потом лягу на кресло и скажу: «У меня такого еще никогда не было. Ты у меня первый... татуировщик».

– И добавишь томным голосом: «Забей мне такую, чтобы я неделю сидеть не могла».

Я смеюсь, пока не слышу позади низкий голос:

– Это будет очень дорогая татуировка.

Моя спина мгновенно холодеет, ладони потеют, и мне уже хочется провалиться сквозь землю, сгорая от стыда.

Крепко зажмурившись, делаю глубокий вздох и оборачиваюсь. Кэмерон стоит в двух метрах от меня. Бормочу в трубку, что перезвоню и прячу телефон в карман. Что я могу теперь ему сказать? Или лучше просто собрать вещи и уехать за два штата отсюда?

– Ты что, – произношу я наконец, – следишь за мной?

Лучшая защита – это нападение, решила я.

Кэмерон не перестает улыбаться, а мне хочется понять, почему при разговоре со мной на его лице постоянно появляется это выражение удивления и желание рассмеяться.

– То же самое хотел спросить у тебя.

– Очень умно переводить стрелки.

Кэм молчит. Не отрывая взгляда от моих глаз, он медленно достает из кармана джинсовой куртки ключи с брелоком и, вытянув руку, нажимает на кнопку. Прямо за моей спиной раздается короткий писк сигнализации, а затем и щелчок разблокированных дверей автомобиля. Отныне это звук моего позора в квадрате.

– В данный момент это ты стоишь у моей машины и мечтаешь, чтобы я набил тебе тату.

– Это была всего лишь шутка.

– Я так и понял.

– Просто хочу прояснить, мне не нужны никакие татуировки.

Кэмерон делает несколько шагов и останавливается совсем близко. Легкий ветерок касается его растрепанных каштановых волос. Мыски наших кед упираются друг в друга, и я едва борюсь с желанием униженно извиниться и сбежать.

– Я понял тебя с первого раза, Энди. Иногда нужно уметь вовремя остановиться.

Кэм наклоняется еще ближе, так, что между нашими лицами остается не больше десяти сантиметров. Я мысленно отмечаю, что этот парень уже не в первый раз нарушает мое личное пространство, а я почему-то и шагу в сторону не могу ступить.

– Позволишь? – тихо спрашивает он.

До меня не сразу доходит, что он просит меня отойти от его машины.

Опомнившись и покраснев, тут же отхожу в сторону.

– Эй, Банни!

Я торопливо оборачиваюсь, но тут же злюсь на себя за то, что откликнулась. Кэмерон стоит, облокотившись на открытую дверцу автомобиля.

– Тебе стоит только попросить, и я с удовольствием стану твоим первым, – он делает многозначительную паузу, – татуировщиком.

– Если и захочу, чтобы кто-то набил мне тату, то я точно обращусь к другому мастеру, Клайд.

Кэмерон только смеется, а я быстро ухожу, даже не оборачиваясь.

Глава 3

Закусочная «Дядюшки Сандерса».

2.02.18. День.

Я, как обычно, ничего не успеваю. Наспех надеваю фартук, хватаю блокнот и принимаюсь разносить накопившиеся заказы, лавируя между красными диванчиками.

– Милая, будь так добра, – зовет меня мистер Бейли.

Сидя за барной стойкой, он пододвигает ко мне белую кружку, и в его огромных пальцах она кажется до комичного крошечной, словно великан решил поиграть с кукольной посудой.

– Конечно, – улыбнувшись, хватаю стеклянный кофейник и в очередной раз наполняю кружку ароматным кофе. – Что, – перехожу на шепот, – сегодня даже не добавите волшебного зелья?

Старик смеется. Мистер Бейли – постоянный гость «Дядюшки Сандерса»; здесь не подают алкоголь, но он всегда приносит с собой маленькую фляжку с виски и подливает его в свой кофе.

– Не сегодня. Это особенный день. Я жду кое-кого.

– Свидание? – с улыбкой спрашиваю я. – Я начинаю ревновать, Джек.

– На это и рассчитывал.

Рассмеявшись, отталкиваюсь от стойки, а затем слышу звон от удара лопаткой по сковороде: Марк приготовил очередной заказ. Посетителей сегодня так много, что мы со второй официанткой Холли едва успеваем подойти ко всем. Из каморки выходит босс и ворчит по поводу нашей медлительности, снова обещая заставить нас надевать ролики, чтобы разносить заказы быстрее.

Мистер Бейли видит меня за стойкой и просит еще одну кружку для его гостя. Улыбнувшись, выполняю просьбу и мысленно отмечаю, что он сидит с довольно молодой для него женщиной, на вид лет тридцати пяти. Они улыбаются друг другу, а затем старик накрывает ее ладонь своей.

– Энди, это моя дочь Лорен. Лорен, это Энди, и она иногда присматривает за мной.

– Очень приятно познакомиться, – Лорен протягивает мне руку. – Надеюсь, мой папа не доучает вас рассказами о своей юности?

– Я всегда с удовольствием их слушаю, – улыбнувшись, пожимаю протянутую ладонь. – Только ради этих историй я и прихожу на работу.

– Только ради этих историй, – шепчет она, – я и переехала из родительского дома.

– Ты слишком рано повзрослела, – с грустью произносит мистер Бейли. – И слишком рано вышла замуж за этого неотесанного болвана.

– Папа, – Лорен обнимает его за плечи, – ты стал таким сентиментальным. И я до сих пор люблю этого неотесанного болвана.

Вежливо улыбнувшись, молча оставляю отца и дочь наедине, стараясь не поддаваться унынию: я бы многое отдала, чтобы сидеть вот так со своим папой и беззаботно шутить на будничные темы. Но, к сожалению, мой отец выбрал другой путь: он оставил маму, когда мы с Келси были еще совсем маленькими.

Келси старше меня, поэтому кое-что помнит. У нее остались воспоминания о папе, и я очень завидую ей, потому что все, что есть у меня – одна-единственная фотография, на которой папа держит меня на руках, а на его коленях сидит Келси, перепачканная черничным джемом.

Сколько бы мы с Келси ни пытались разговорить маму, получали один ответ: «Мы просто не были нужны ему». Они с мамой даже не были в официальном браке. Жили счастливой семьей, но в один день папа просто заявил, что устал и не готов нести такую ответственность.

Келси называет отца трусом, и обычно я не спорю и просто киваю, но мысленно готова найти ему тысячи глупых оправданий. Я воображала, что он был спецгентом, и правительство дало ему особое задание, опасное для семьи. Или что это реалити-шоу, и в любой момент из-за угла возникнут операторы с камерами, а папа появится из-за какой-нибудь ширмы и скажет, что это был эксперимент вроде фильма «Шоу Трумана», и что он все время был рядом. Мы обнимемся, а все зрители у экранов заплачут.

Знаю, глупо. Но мне необходимо верить в эти глупости.

С самого детства я завидовала детям из полноценных семей. В школе девочки часто пользовались фразой: «Я папина дочка. Я папина любимица». Вроде бы простая фраза, а сколько в ней скрыто. Мне никогда не узнать, каково это – быть папиной дочкой. Я никогда не боялась сказать, что иду на свидание, потому что у меня не было строгого папы, который не доверяет парням и пытается защитить меня.

Моим друзьям это казалось крутым. «Тебе повезло, что ты живешь с мамой и сестрой. У мамы легче отпроситься на свидание, ведь отец ни за что непустит, потому что видит в парнях лишь угрозу». Эту фразу любила повторять моя подруга Глорис. Черт побери, Глори, твои родители пришли на вручение дипломов, и ты провела этот день с семьей, а моя мама не попала на мой выпускной, потому что ее не отпустили со второй работы.

Тату-салон.

7.02.18. День.

– Мне страшно, – Келси моргает, глядя на вывеску «Скетч», и ее зубы стучат, будто в подтверждение слов. – Черт, мне действительно очень страшно.

– Все будет хорошо, – подбадриваю ее я, взяв за руку. – Всего пара часов – и на твоём теле не останется напоминаний о Чендлере.

На самом деле мне самой жутко не хочется заходить внутрь, но это только потому, что там меня ждет встреча с Кэмероном. После того неловкого разговора на парковке прошло чуть больше недели, и я с тех пор ни разу его не видела. Не могу отделаться от чувства стыда при одном воспоминании о том дне. Может, в любом другом случае мне было бы все равно, но опозориться перед самым популярным парнем всегда хуже.

Мы заходим внутрь и садимся на диван, Мэй заваривает травяной чай и болтает о погоде, а Келси старается не показывать, что вот-вот отключится от страха.

Когда Кэмерон появляется в зале, я теряюсь и стараюсь сделать вид, что сильно увлечена дизайном светильников.

– Ну как, бывшая Чендлера, все еще хочешь перебивку? – спрашивает Кэм, присаживаясь в кресло напротив. – Или вы помирились?

– Нет, перебей ее скорее, пожалуйста.

– Отлично, – подавшись вперед, он упирается локтями в колени и сцепляет пальцы в замок, – у тебя есть какие-то идеи?

– Даже не знаю. Главное, чтобы было красиво.

– Надо же, – усмехнувшись, он кивает, – очень точное описание. Хочешь что-нибудь девчачье, верно?

– Да, никаких черепов и воронов.

– Что-нибудь девчачье и без черепов, понял. Что скажешь по поводу роз? Красным и бордовым сможем перекрыть сердце.

– Знаешь, а мне нравится.

Кивнув, Кэмерон берет со стола альбом с карандашом и откидывается на спинку фиолетового стеганого кресла. Он закидывает одну ногу на другую, кладет на колено альбом и принимается рисовать.

Келси сидит, выпрямив спину так, будто проглотила стальной стержень, а я нервно постукиваю пяткой по полу. Кэм замечает это, и я тут же перестаю, чтобы не выдать себя. Но беспокойство не проходит, и я беру со столика кружку с чаем, чтобы хоть чем-то занять руки.

– Кстати, Банни, – говорит он, продолжая рисовать. – Как там поживает мистер Гарднер? Скучает по мне?

– Не так, как ты по нему, Коллин.

Я буду продолжать называть его разными именами, пока он не перестанет называть меня «Банни».

– А ты?

– Скучаю ли я по тебе?

Я смотрю на Кэма поверх кружки, но он слишком увлечен эскизом, чтобы заметить мое недоумение.

– Нет, я о другом. Ты все так же хочешь, чтобы я стал твоим первым, – сосредоточенно глядя в альбом, он облизывает губы, – татуировщиком?

– Я хочу, чтобы ты стал тем, кого я вижу как можно реже.

– Врушка.

Отставив чай, складываю руки на груди и откидываюсь на спинку дивана. Я знаю, что ответила грубо, но что еще делать, если этот парень так упрям и продолжает свои издевки. Мне же и так неловко, неужели непонятно?

– Это будет очень больно? – интересуется Келс, ерзая в кресле. – Кстати, ты же дашь мне обезболивающее?

– Нет.

Этот короткий ответ мгновенно заставляет Келси побледнеть.

Закончив, Кэмерон кладет альбом на стол, разворачивает его к нам.

– Это всего лишь набросок, я добавлю остальные детали вручную.

Эскиз выполнен простым карандашом, на листе изображены два пышных розовых бутона; один из них чуть перекрывает другой, а каждый лепесток так четко прорисован, словно он настоящий. Как за пару минут можно нарисовать такое?

– Бутоны перекроют сердце. Здесь, – Кэм водит карандашом над рисунком, – нарисуем пару листков, и тогда имени точно не будет видно. Все сделаем в ярких красках: штрихи, тени, блики. От «Чендлера» и следа не останется. Посмотри, и если устраивает, можем начинать.

Я даже удивлена тем, как резко Кэмерон сменил игривый тон на серьезный, полностью погрузившись в работу.

– Мне нравится, – говорит Келс, с улыбкой глядя на эскиз. – Очень нравится.

– А тебе? – спрашивает меня Кэм, вертя карандаш в руках.

– Как по мне, – опираясь на подлокотник и придирчиво осматривая эскиз, протягиваю я, – довольно неплохо.

Ладно, это идеально, но он этого не услышит. А то вдруг вздумает снова предложить свою *первую* помощь. Но он только усмехается.

Мы переходим в рабочий кабинет, где Зейн уже набивает кому-то татуировку на спине.

Пока Кэм обрабатывает кожу Келси и переводит на нее рисунок, я изучаю интерьер. Зал в темно-синих тонах, а в глаза сразу же бросается несколько массивных черных кресел, обтянутых пленкой. Отдаленно напоминает пыточную. На одной из стен расположились черно-белые фотографии татуировок, а другая увешана зеркалами различных форм; атмосферно, но мрачновато в отличие от первого зала с яркими диванами.

Кэмерон готовит машинку и надевает на провода одноразовые защитные рукава. Облизнув пересохшие губы, Келси тяжело дышит и широко распахнутыми глазами внимательно следит за каждым его движением. Как только она видит, как Кэм распаковывает иглы, то вдруг пугается, сжимает кулаки и всем своим видом показывает раскаяние. Кэм на секунду включает машинку, и, услышав жужжащий звук, Келси со стоном опускает майку.

– Знаете, я передумала.

– Уже сдаешься? Да брось, мы же даже не начали.

– Можешь просто быстро зачеркнуть имя Чендлера и все?

– Прости, милая, – Кэмерон снимает черные нитриловые перчатки и выключает круглую лампу дневного света, – но я таким не занимаюсь. Либо перебиваем, либо ищи другого мастера. С моего кресла с такими партаками не встают.

– Келс, – зову я, – ты не можешь ходить с Чендлером на животе.

– Я согласен, – отзывается Зейн с другого конца зала. – Твоя тату выглядит как ошибка пьяного купидона.

– Энди, – она смотрит на меня, прерывисто дыша, – что мне делать?

– Как думаешь, – подавшись вперед, я сжимаю ее ладонь, – разве пара уколов с краской сравнятся с той болью, что причинил тебе Макс?

Келси немного раздумывает, а потом в ее глазах появляются уверенность и злость на Максанса.

– Набей мне самые цветные и болезненные розы в мире, – цедит она сквозь сжатые зубы. – Может, эта татуировка выбьет из меня всю оставшуюся дурь.

Кэмерон нажимает ногой на рычаг, и кресло плавно опускается, а Келс, готовясь терпеть боль и страх, крепко зажмуривается. Кэм тяжело вздыхает, предчувствуя, что сеанс будет трудным. Склонившись над Келси, он хмурит брови.

– Слушай, твоя сестра сказала, что этот парень предал тебя. Ты уверена, что хочешь стереть любую память о нем, пусть и такую кошмарную?

– Конечно, хочу.

– Тогда расслабься. Сейчас я сделаю контур, а потом начнем закрашивать, договорились?

– Догово... Погоди, а цветную делать больше, да?

– Да, – уверенно отвечает Кэмерон, и я злюсь на него за то, что он не успокоил Келси. – Я буду набивать новую татуировку поверх старой, а для этого придется задеть рубцовую ткань. Поэтому не стану врать тебе, милая: да, будет больно.

– А я слышала, – опустившись на стул, скрещиваю руки на груди, – что это не больше комариного укуса...

Кэмерон склоняет голову набок, всматриваясь в мое лицо. Я рада, что между нами находится кресло, потому что создается впечатление, что, если бы не оно, Кэм подошел бы вплотную, в очередной раз нарушая мое личное пространство.

– Все зависит от степени болевого порога, – он опускает взгляд. – Ты как предыдущую набивала?

– Пьяно, – шепчет Келс. – Очень пьяно.

Вздыхнув, она разжимает напряженные пальцы и поднимает край майки.

Когда Кэмерон набирает краску из маленького колпачка, происходящее кажется мне интересным, но когда он склоняется над животом Келси, а затем раздается приглушенное жужжание, мне самой становится страшно за нее.

Она терпит и, прикусив губу, героически молчит.

– Ну как, – спрашивает Кэм, вытирая лишнюю краску салфеткой, – жива?

Она кивает, но гримаса мучения на лице говорит об обратном.

– Я все хотел спросить, почему «Чендлер» в сердечке? Не достаточно было просто дурацкого имени?

– Сначала я хотела написать: «Келси + Чендлер = навсегда», причем на интимном месте, но меня переубедили.

Кэмерон прекращает бить и выпрямляется. То же самое делает и Зейн в другом конце зала. Парни обмениваются недоумевающими взглядами, а затем смеются.

– Вы, – спрашиваю я у Зейна, поворачиваясь на стуле, – часто перебиваете такие татуировки?

– Постоянно, – отзывается он, возвращаясь к работе. – Популярнее имен бывших только рисунки членов.

– Серьезно? Кто добровольно набивает себе такое?

– На полном серьезе, идиотов хватает, – отвечает Кэм. – Однажды к нам пришел парень, у которого на заднице было написано: «Я имел маму Брэдли», а Брэдли – это его лучший друг. Келси, ты там как, жива?

– Жива. А как там мой живот? Много крови?

Кэм цокает языком.

– Ни капельки.

– Ты врешь. Энди, он врет, лучше посмотри сама.

Подаясь ближе, чтобы проверить, но все действительно в порядке: плавные темные линии и очертания лепестков там, где Кэмерон уже успел прорисовать контур.

– Да нет там ничего, не паникуй.

На какое-то время мы замолкаем, увлеченные процессом создания тату. Кэмерон изредка поглядывает на меня, слегка улыбаясь, и при каждом его взгляде в моей голове вновь возникает та неловкая ситуация на парковке. Кажется, Кэм на каком-то подсознательном уровне заставляет меня испытывать эту неловкость снова и снова при каждой встрече взглядом.

– Не смотри на меня так, – ерзаю я на стуле и хватаюсь пальцами за мягкое сиденье.

– Как «так»? – жужжание затихает. Легким движением головы он смахивает челку со лба. – Как будто хочу сделать тебе татуировку?

– С насмешкой, – отвечаю я, опуская взгляд на почти законченный контур, – будто застал меня за чем-то неприличным.

– В чем твоя проблема? – спрашивает он, возвращаясь к работе.

– У меня нет проблем.

Если честно, меня уколол этот вопрос, но виду показывать я не хочу.

– Если я смотрю на тебя как-то по-особенному, то, может, только потому, что ты мне интересна. Я же говорил о своей слабости к фригидным пьяницам.

– Я не говорила, что ты смотришь по-особенному. Я сказала, что ты смотришь с насмешкой.

– Или ты видишь только то, что хочешь видеть. В чем причина? Низкая самооценка, или парень сердце разбил?

– Не угадал.

Мной овладевает раздражение: да кто он такой и почему пытается копаться в моих проблемах? Он – просто татуировщик, а не психолог.

– То есть с самооценкой у тебя все в порядке?

– Разумеется.

Вдруг Келси издает писк от резкой боли. Я подскакиваю в испуге, но она тут же затихает, подняв большой палец вверх.

– У тебя все в порядке с самооценкой, но при этом тебе легче думать, что симпатичный парень смотрит на тебя с усмешкой, нежели из интереса?

– Зато у тебя с самооценкой все в порядке, симпатичный парень, – отвечаю я, не скрывая сарказма в голосе.

– Можешь даже не пытаться, – вмешивается Келси, – Энди не нужны отношения. Тут даже твоя милая улыбка не поможет.

– Звучит как вызов. Думаю, что как раз моя улыбка и поможет, ведь вы видите солнце по утрам, только потому, что я улыбаюсь.

– Это тебе мама сказала? – приподняв голову, спрашивает Келс.

– Конечно, ведь она с детства называет меня солнышком.

Серьезность этого диалога смешит меня, но я быстро маскирую это, потирая переносицу.

– Так, – не унимается Кэм, – почему тебе не нужны отношения? Все девушки, вроде как, помешаны на этом.

– Потому что не нужны. Может, закроем эту тему?

– Так ты по девочкам?

– Нет. И я не мужененавистница. Я просто не доверяю парням, вот и все.

– Если разбитое сердце и самооценка здесь ни при чем, откуда это недоверие к парням? Обида на отца, а вследствие – и на весь мужской род?

Эта догадка настолько точна, что даже Келси от неожиданности раскрывает рот. Глубоко вдохнув, я отталкиваюсь ногой от пола и отъезжаю на стуле назад. Жужжание машинки снова затихает, и взгляд Кэмерона вдруг становится серьезным.

– Вот черт, прости, – быстро говорит он, – я полный мудак.

– Ничего, все в порядке.

– Кретин, – бормочет Келси, – за это с тебя скидка.

Кэмерон толкает свою жертву в бедро и корчит недовольную гримасу. Он поднимает взгляд, и впервые я вижу в нем искреннее сожаление.

– Знаете, – натянув улыбку, я хлопаю ладонями по коленям и поднимаюсь со стула. – Я, наверное, выйду на пару минут, подышу свежим воздухом. Здесь немного душно.

Иду к выходу и слышу, как за моей спиной отодвигается кресло, а затем раздается тихий голос Келси:

– Не надо, дай ей пару минут.

Выхожу на улицу и, укутавшись в куртку, сажусь на скамейку, стараясь не думать о плохом. Я злюсь на Кэмерона, но еще больше удивлена тому, что он оказался прав. Я и сама не

задумывалась о том, что уход папы из семьи так повлиял на мое мировоззрение и оценку семьи в целом.

Как только парни проявляют ко мне симпатию, я начинаю задаваться вопросом «А что дальше?». Влюбленность, отношения, брак, а потом он уйдет, бросив меня и детей, а я впаду в депрессию? Или же стану одной из тех женщин, которые преследуют своего бывшего, а в конце концов убивают его и попадают на нелепые телешоу. Не вижу смысла в отношениях, не вижу будущего.

Я не закоренелая ханжа, я влюблялась в старшей школе, и у меня были отношения. Мне казалось, что я люблю Тайлера всем сердцем, но когда на выпускной он снял номер в гостинице и дело уже шло к логическому завершению, я просто не смогла. Вместо первого секса его ждали мои испуг и слезы. Тайлер порвал со мной, но он не был плохим, он просто не мог больше ждать.

Я хочу доучиться, получить хорошее образование и чего-то добиться в этой жизни, потому что тогда, если я вдруг повторю судьбу нашей мамы, то хотя бы смогу содержать своего ребенка, не работая на трех работах сразу и лишаясь возможности проводить больше времени с малышом. Мыслию я мрачно для своего возраста, но совсем не отклоняюсь от реальности.

Со мной явно что-то не так и, может, мне все же нужен психолог. Но тут я вспоминаю, что в данный момент моя сестра перебивает имя парня, который предал ее после клятвы в вечной любви, и что я нужна ей там.

Когда я возвращаюсь в «Скетч», Кэмерон уже работает цветными красками, а Келси рассказывает ему длинную историю своей любви и предательства ее парня. К моему удивлению, Кэм заинтересованно слушает, задает вопросы и даже удачно подшучивает на эту тему. Из радиоприемника доносится попсовая песня, и это придает атмосфере легкости. Я снова сажусь на место, и мы делаем вид, что ничего не произошло.

На самом деле три часа в «Скетче» пролетели быстро, и когда Кэм объявляет о том, что работа завершена, Келси с видом раненого, но гордого солдата поднимается с кресла. Встав позади нее, Кэмерон опускает ладони на ее плечи и подводит к одному из многочисленных зеркал.

– Как тебе?

– Невероятно, – отвечает она, глядя на свой живот и крутясь перед зеркалом. – Глазам своим не верю. Спасибо, это очень красиво!

Две яркие розы и несколько зеленых листиков действительно без следа перекрыли ужасного «Чендлера». Лепестки, тени и блики – все кажется настолько настоящим, что в моей голове просто не укладывается, что это сделано на коже при помощи крошечных иголок и краски.

– Энди, ты только посмотри!

– Потрясающе, – кивнув, я подхожу ближе и рассматриваю детали.

– Ладно, позовите меня, как налюбуетесь, надо будет смазать ее и прикрыть пленкой.

Ловлю на себе взгляд Кэмерона. Запустив пальцы в свои растрепанные волосы, он неловко пожимает плечами.

– Слушай, Энди, я...

– Не стоит, – отмахиваюсь я, потому что знаю, что он хочет извиниться, – все нормально, правда.

Поджав губы, он кивает, но в воздухе по-прежнему словно висит тяжелая неловкость. Поэтому, чтобы разрядить обстановку, я решаю сменить тему.

– Вышла отличная наколка.

Кэмерон молчит некоторое время, а затем морщит нос, как будто я сделала не комплимент, а оскорбила его работу.

– Больше никогда не произноси в этих стенах слово «наколка³». Прибереги этот сленг для того дня, когда окажешься за решеткой, Банни.

Стоило мне сказать, что все нормально, как Кэмерон тут же забыл мое имя и снова стал называть дурацким прозвищем. Мне не нравится этот парень.

³ Наколка – сленговое выражение носит несколько негативный оттенок и зачастую обозначает изображения с чисто уголовным подтекстом. Наколки наносятся кустарным методом в антисанитарных условиях.

Глава 4

Вечеринка. Дом студенческого сестринства «Тета Ви».
9.02.18. Вечер.

Какой студент не любит вечеринок? Верно, таких очень мало, и я в этот процент точно не вхожу. Вечер пятницы всегда приносит радость. Тусовки на каждом углу, начиная от домов всевозможных сообществ и заканчивая обычными пабами в центре города.

Наш с Джин выбор, как обычно, падает на вечеринку в доме студенческого сестринства «Тета Ви». Мы точно знаем, что там будет хороший алкоголь, не то что некоторые другие общины, которые на тусовках разливают пиво со вкусом половой тряпки.

Джин пишет, что уже пришла, поэтому я смело захожу в дом, проталкиваясь сквозь толпу. Музыка бьет по барабанным перепонкам, басы отдаются в груди, в воздухе пахнет алкоголем и дурью. Вдруг кто-то подходит ко мне сзади и закрывает глаза своими ладонями. Я улыбаюсь, потому что тут же узнаю эти тонкие пальцы, украшенные кучей колечек. Это Джин.

– Ты опоздала! – она наклоняется ближе ко мне, перекрикивая музыку, и я чувствую, что она успела достаточно выпить. – Я тут уже немного начала.

– Вижу, – рассмеявшись, смотрю, как она двигает бедрами, не попадая в такт песни.

– Ты случайно не видела Гарри?

– Нет.

«Потому что, скорее всего, он сейчас сует свой язык в чей-то рот», – проносится мысль в моей голове, но я решаю удержаться от резких высказываний и задаю безобидный вопрос:

– Может, придет попозже?

– Может быть; я звоню ему весь вечер, но он не берет трубку.

– Джин, постарайся сегодня не вестись на его уловки, хорошо? Я не хочу, чтобы ты снова уехала к нему.

Гарри Торнтон – пижон и бабник. Он сорит деньгами, носит только брендовые вещи и следит за тем, чтобы его волосы всегда были аккуратно уложены. Мы дружим с первого курса, и я еще ни разу не видела, чтобы одежда Гарри была испачкана или помята, зато видела, как на вечеринке в прошлом году он напился и ничего не соображал. И одним своим присутствием Гарри лишает Джин гордости. Стоит ему только сказать, что он соскучился, как Джин тут же несется к нему. В последний раз это закончилось тем, что Гарри в очередной раз воспользо-

вался ею, а потом выставил за дверь. Он говорит, что никогда и никто кроме него не будет спать в его постели, даже после секса. Может, посмотрелся девчачьих фильмов о парнях-придурках, а может, действительно является таковым.

Должна признать, что Гарри не такой уж и плохой парень, но влюбиться в него означает сделать его своим врагом. Морально он способен уничтожить любую, что и произошло с Джин. Однажды она оговорила и сказала, что Гарри «выпил ее душу»; думаю, он действительно выпил ее до дна, не оставив ни капли.

– Пойдем танцевать. – Джини тащит меня в сторону, но я уворачиваюсь.

– Я слишком трезвая, – пытаюсь перекричать музыку, а затем жестами показываю, что хочу выпить.

Джин кивает и уносится танцевать одна. Ей нравится двигаться под музыку, но танцевать ей совершенно не удастся: вертится, как сурикат, выискивая в толпе Гарри. Я встречаю знакомых ребят и задерживаюсь с ними, болтая о ерунде и попивая пиво. Два стакана – и музыка уже не кажется такой уж громкой, а люди вокруг кажутся милее обычного.

– Энди!

Оборачиваюсь на голос Нейта; он с легкостью проходит сквозь толпу, расталкивая людей плечами.

– Не видела Джин? – спрашивает он, оглядываясь по сторонам.

Началось. Каждая вечеринка идет по одному и тому же сценарию: Нейт ищет Вирджинию, она – Гарри, а тот – удовольствие на одну ночь. При этом все ищут друг друга через меня, словно я – заслуженный детектив в отставке. Конец у таких вечеринок всегда один: мне неловко, Джин страдает, Нейт тоже, и одному только Гарри хорошо.

– Была где-то здесь минут двадцать назад.

Потирая нос с горбинкой, Нейт открывает рот, будто хочет что-то спросить, но тут же решает промолчать и делает быстрый глоток из стакана, чтобы скрыть замешательство. Когда мы с Нейтом познакомились, я бы ни за что не догадалась, сколько у него комплексов. Он хорош собой, широкоплеч и подтянут, в школе был капитаном футбольной команды и королем выпускного бала. И он очень добрый и во всем видит позитивные стороны.

Но, как оказалось, при всех его плюсах, он очень неуверен в себе. А безответная влюбленность добивает его еще больше.

– Только не признавайся ей ни в чем пьяным, – прошу я, смотря на то, как Нейт нервно сжимает пальцами стакан. – А особенно – когда пьяна она.

– Не понимаю о чем ты.

– Ладно, сделаю вид, что...

Я не успеваю договорить, потому что Нейта вдруг задевает танцующая рядом девушка, и содержимое его стакана выплескивается на мой светло-голубой пуловер. Ладно, не на мой, он принадлежит Келси, а она ненавидит, когда я беру ее вещи без спроса.

Апельсиновый сок с мякотью и водка. Пуловеру конец, как и мне. Ткань быстро пропитывается соком и неприятно липнет к телу, да к тому же сразу разносится резкий запах водки.

– Вот черт, Эндс, прости! – Нейт принимается неуклюже размазывать и без того большое пятно по моим животу и груди.

– Перестань, – шлепаю я его по ладоням и отдаю ему свой стакан. – Почему, когда я в вещах Келси, ты каждый раз умудряешься испачкать их?

– Может, – отвечает он игриво, – я создан для того, чтобы сделать тебя грязной?

– Мы уже проходили это, помнишь? – прищурившись,ставляю указательный палец. – Ты не создан для пошлых шуток, Нейт. В твоем случае это незаконно и отвратительно. И прекрати тренироваться на мне.

– Может, попробовать другие слова? – с надеждой спрашивает он, когда я ухожу, протискиваясь через толпу. – Липкая или, может быть, сочная?

Рассмеявшись, жестом показываю, что это провал, и иду вверх, чтобы попытаться спасти пуловер. Первая ванная комната оказывается занята страстной влюбленной парой. Извинившись, следуя в конец коридора и наконец нахожу свободную уборную.

Замок оказался сломан, поэтому я не решаюсь раздеться здесь. Оторвав немного туалетной бумаги, подхожу к раковине и включаю воду. Тщательные попытки стереть пятно смоченной бумагой совсем не помогли. Может, Келси не заметит пропажу? Хотя вряд ли, у нее каждая вещь на счету.

Вдруг в сумке звонит телефон, и я в испуге бросаюсь к нему, думая, что это Келс как-то узнала, что я испортила ее вещь. Но это оказывается всего лишь моя соседка по комнате.

– Привет, Роуз, – удерживая телефон плечом, я не оставляю попыток спасти кофту. – Что-нибудь случилось?

– Ты случайно не брала мою ключ-карту? Нигде не могу ее найти.

– погоди, сейчас посмотрю, – копаюсь в сумочке, но нахожу только свою. – У меня ее нет, – будто в доказательство своих слов вытаскиваю кусок некогда белого, а теперь посеревшего пластика.

Вдруг чувствую, как телефон начинает выскальзывать из рук, и я пытаюсь поймать его мокрыми пальцами. В спешке и испуге за телефон, забываю про карту и отбрасываю ее в сторону. Ловлю телефон уже почти над полом и с облегчением выдыхаю, когда понимаю, что все хорошо закончилось.

Спустя несколько мгновений я вспоминаю о карте. Оборачиваюсь, оглядываю пол, но ее нигде не видно. Заглядываю в раковину, потом в свою сумочку, а затем и в ванну.

– Что за черт? – недоумеваю я, осматривая все вокруг.

И тут мой взгляд падает на унитаз. Понимая, что я не искала только там, нехотя заглядываю внутрь и издаю недовольный стон.

– Серьезно?! – возмущаюсь я. – Да такому даже в школе ниндзя не обучают!

За утерю карточки положен штраф в тридцать пять долларов, который мне совсем не хочется платить – сегодня я узнала цену своей гордости. Тяжело вздохнув, закатываю рукав и присаживаюсь на корточки. Я с трудом заставляю себя протянуть ладонь и, поморщив нос, медленно опускаю руку внутрь, без остановки повторяя: «О боже!» Как только пальцы касаются воды, к горлу подкатывает тошнота, и я закрываю ладонью нос и рот. В этот момент открывается дверь, и на пороге замирает Кэмерон Райт. Ну почему из всех людей на вечеринке зашел именно он?

Видя меня, Кэм бормочет извинения и растерянно закрывает дверь. На несколько секунд создается впечатление, что это был мираж. Но тут дверь снова открывается – в этот раз медленно – и мой мираж снова заглядывает внутрь. Он с удивлением молча смотрит на меня. Это даже хуже, чем тот разговор на парковке.

– Я думал, что мне показалось, – начинает он, закрывая за собой дверь, – Затем подумал, что мне точно показалось, и вдруг тебя просто тошнит.

– Замолчи.

Кэмерон присаживается на край ванны и смотрит на меня, не сдерживая улыбки.

– Позволь спросить, что ты делаешь?

Только теперь я понимаю, что моя рука все еще опущена в унитаз. Единственное, что я могу сейчас сделать – это принять непринужденный вид, притворяясь, что меня совсем не тошнит. Боже, не хватало только, чтобы меня вывернуло перед Кэмом!

– Да вот, – пожимаю плечами, – ищу новые впечатления.

– И как, – он подается вперед, упирая локти в колени, – нашла что-нибудь новое?

– Возможно, – отвернувшись, я судорожно пытаюсь поймать пальцами карту.

– Слушай, Банни, чем бы это ни было, я все равно должен спросить, нужна ли тебе помощь?

– Спасибо, Кени, но я справлюсь сама.

Наконец мне удается схватить карточку. Я вынимаю ее и бегу к раковине. Бросив ее туда, несколько раз спешно нажимаю на дозатор с жидким мылом и начинаю тщательно отмывать руки, а затем и саму карту. Кэмерон останавливается рядом и, облокотившись ладонями на столешницу, молча рассматривает меня через зеркало. От его пристального взгляда руки вдруг перестают слушаться меня, а движения становятся неловкими.

– Апельсиновый сок, – поясняю я, когда замечаю, как он задерживает взгляд на огромном пятне.

– Я бы сказал, – он чуть наклоняется, пригнувшись, – что сок работал в паре с водкой.

– Друг пролил.

– Что за друг?

– Мой парень.

Не знаю, зачем я вру, но мне показалось, что это спасет меня от новых вопросов. А может, я вру, чтобы показать, что у меня все хорошо в личной жизни и нет никакой обиды на отца. Только почему мне вообще не все равно, что подумает обо мне Кэмерон?

– У тебя есть парень? – он поворачивается ко мне, и от удивления в его голосе я еще больше верю в свою маленькую ложь.

– А что в этом удивительного?

– Ты же говорила, что не видишь смысла в отношениях.

– Это сказки для Келси: не хочу, чтобы она знала о моей личной жизни. Так что шутки про фригидную пьяницу больше не актуальны.

Вопреки моей надежде увидеть разочарование Кэмерона, он лишь усмехается.

Такое чувство, что он каждый раз заговаривает со мной только для того, чтобы потом за бутылкой пива рассказать друзьям о сумасшедшей девушке, которая мечтает о его татуировке и ищет новых впечатлений в туалете.

– Тебе доставляет удовольствие издеваться надо мной, не так ли?

– Издеваться? Милая, несмотря на то, что твоя рука была в унитазе, я предложил свою помощь. Не думаешь, что наши страстные отношения могут быть построены не на одних издевках?

– Господи, – раздраженно выдохнув, я вновь берусь за салфетку и пытаюсь оттереть пятно. – И как я раньше жила без твоих глупых шуток?

Кэмерон останавливается за моей спиной и наклоняется чуть ближе.

– Ты и без мыслей обо мне раньше как-то жила, верно?

Замираю, а затем поднимаю подбородок и встречаюсь с его взглядом в зеркале. Хмыкнув, я качаю головой.

– Как ты можешь быть таким...

– Необыкновенным? Неповторимым? Чудесным?

– Идиотом.

Я сжимаю губы, а Кэм лишь снова усмехается.

– Если честно, то я надеялся увидеть тебя сегодня, но слегка растерялся, найдя тебя здесь в поисках новых впечатлений.

Молча продолжаю возиться с пятном и делать вид, что меня несколько не волнуют его слова. Кэмерон надеялся увидеть меня сегодня? Это так... приятно? Нет, это не должно быть приятно, совсем не должно.

– Хотел извиниться за то, что ляпнул тогда о вашем с Келси отце. Прости, я не должен был.

На этот раз в его голосе не слышно издевки, а во взгляде отражается искреннее сожаление. Он извиняется, и мне вдруг становится неловко от того, что тогда в «Скетче» я так сильно разозлилась на Кэма, ведь он всего лишь задавал простые вопросы. Это я, как всегда, слишком

остро отреагировала на слишком тяжелую для меня тему. Мне пора бы научиться управлять эмоциями и перестать огрызаться на каждого, кто спросит об отце.

Выключив воду, я разворачиваюсь и опираюсь поясницей на край раковины.

– Все нормально, тебе не за что извиняться. Это не задело меня так, как могло показаться со стороны. Там нет ничего настолько страшного, что обсуждали бы в ток-шоу или вроде того.

– Правда? Это хорошо, потому что я тогда едва не ляпнул чушь про отчима-педофила.

Сама не замечаю, как на этот раз усмехаюсь уже я. Этого тоже не должно было случиться. Не хочу смеяться над его шутками.

– Так что скажешь, Энди, между нами мир?

– Вау, ты все-таки знаешь, как меня зовут.

– Знаю, Банни, конечно, знаю.

Поджав губы, внимательно смотрю на Кэмерона. Он вызывает у меня двойное впечатление. Когда он говорит искренне и не усмехается над каждым моим движением и словом, то даже кажется мне неплохим парнем. Но когда он подшучивает надо мной и называет глупым прозвищем, я начинаю злиться.

– У меня от тебя голова болит, Кэм.

Мокрая кофта снова прилипла к моей коже. Поморщив нос, я беру ее самыми кончиками пальцев, оттягиваю от груди. Видя это, Кэмерон вдруг делает шаг назад и, начинает снимать свой свитшот.

– Эй-эй, – пугаюсь я и сильнее прижимаюсь к краю раковины, – ты чего делаешь?

– Раздеваюсь, но не возбуждайся раньше времени.

Когда он снимает свитшот, я вижу, что под ним надета светлая футболка с логотипом «Guns N Roses».

– Держи.

Кэмерон протягивает мне толстовку, а я смотрю на нее, ожидая подвоха.

– Это просто кофта, Банни. Если парень хочет помочь тебе, это не значит, что он ждет что-то взамен. Бери уже. Или, – в его взгляде читается удивление. – погоди, кажется, я понял. Ты просто хочешь мою футболку, она нравится тебе больше, да? Ладно.

Он бросает толстовку на раковину за моей спиной и тут же хватается за край футболки.

– Перестань, не нужна она мне.

– Правда? Я так не думаю.

Глядя в потолок, Кэмерон медленно снимает футболку, оголяя плоский живот, и при этом тихо напевает песню «Knockin On Heaven's Door» – той самой группы, чей логотип красуется на его футболке.

– Понимаешь, – говорит он. – Я чувствую себя виноватым перед тобой, а еще вижу, как ты хочешь эту футболку. У меня просто нет другого выбора, Энди.

– Хватит, – испугавшись, что он правда разденется, хватаю его запястья и резко тяну вниз, заставляя опустить футболку. – Прошу тебя, не надо больше раздеваться.

– Надо же, ты просишь меня не раздеваться. Это удар по самолюбию, знаешь ли.

– Надо же, а я думала, что его ничем не пошатнуть. То есть, если бы я попросила снять трусы, то ты бы и их снял из чувства вины?

– Ну, – пожав плечами, он тянется к пуговице на темных джинсах, пока мои пальцы продолжают лежать на его запястьях, и, опомнившись, я тут же отдергиваю руки, словно обожгшись. – Кажется, я начал понимать твои намеки. И если таким образом ты хочешь выразить мне благодарность за помощь...

– Боже, нет! – я прижимаю ладони к горящим щекам и неожиданно для самой себя усмехаюсь. – Ты ужасен! Нет, ты просто отвратителен!

Дверь открывается, и в проеме появляется девушка. Она оценивающе смотрит, как бы прикидывая, может ли зайти.

– Еще пару минут, – говорит ей Кэмерон. – Я отдам этой девушке свои трусы, и мы выйдем. Она – безумная фетишистка.

Хихикнув, девушка кивает и уходит, прикрыв за собой дверь.

– Фригидная пьяница, – бормочу я себе под нос. – Так еще и безумная фетишистка. Обо мне должны снять фильм.

Вздыхнув, Кэм упирается ладонями в края раковины по обе стороны от меня.

– Достаточно просто сказать «спасибо» и взять кофту, Энди. И я знаю, что тебе невтерпех, но, пожалуйста, давай отложим благодарственный минет на потом.

– Ты больной.

Не понимаю, как ему удастся быть таким обаятельным в тот момент, когда он шутит на пошлую тему? Странно, но несмотря на то, что Кэм нарушает мое личное пространство, я не чувствую от него угрозы. Уверена, что он не зайдет дальше глупых шуток, не станет лапать меня или грубо приставать. Кэмерон популярен среди девушек кампуса, и я знаю, что еще никто не жаловался на его поведение, ни одна девушка, с которой он был, не могла сказать о нем плохо. А может, все дело в том, что в его улыбке все же есть что-то гипнотическое, что заставляет меня думать о нем не так плохо, как хотелось бы.

– Что за взгляд? – улыбнувшись, он склоняет голову набок.

Он снова слишком близко, и так мало сантиметров разделяют наши лица.

Понимая, что еще немного – и это молчание станет неловким, я проскальзываю под его рукой и беру свитшот.

– Ты мог бы, – верчу пальцем в воздухе, – отвернуться и поддержать дверь, чтобы никто не вошел?

Кэмерон послушно отходит на несколько шагов и поворачивается ко мне спиной. Спрятав одну ладонь в переднем кармане джинсов, другой он облокачивается на дверь. Какое-то время я стою, чтобы убедиться в том, что он не обернется, а затем сама поворачиваюсь спиной.

– Ты думаешь, что я воспринимаю любую мужскую помощь, как взятку и намек на секс, да? – спрашиваю я.

– Да. А тебя волнует то, что я думаю?

– Не знаю, – честно отвечаю я, вытирая сухой стороной испорченного пуловера живот и грудь. – Мне не хочется выглядеть такой.

– Вообще или в моих глазах?

– Этот факт разобьет твое нежное сердце, – говорю я и надеваю мягкий свитшот, от которого приятно пахнет стиральным порошком и мужским парфюмом, а затем вытаскиваю из-под него волосы. – Но я говорила в общем.

Пока подворачиваю длинные рукава, аромат парфюма Кэма полностью обволакивает меня, и я чувствую себя странно. Мне совсем не хочется знать, как там от него пахнет. Вкусно. Свежестью, цитрусом и нотками корицы. Я настолько не хочу знать это, что цепляю пальцами воротник, осторожно подношу к носу и делаю вдох, надеясь, что запах мне разонравится.

– К слову, если тебе вдруг интересно, то в моих глазах ты выглядишь очень даже неплохо.

Что-то в его тоне заставляет меня замереть. Я резко оборачиваюсь, потому что вдруг понимаю, что он смотрит на меня, но Кэмерон по-прежнему стоит спиной. Но я тут же ловлю его взгляд в отражении зеркала. Он подглядывал за мной все это время, вот же ублюдок!

Вскинув ладони, Кэм оборачивается.

– Клянусь, Банни, я посмотрел только тогда, когда понял, что ты надела кофту.

– И как ты это понял?

– Прошло уже пару минут. Надеть толстовку – совсем не то, что занимает много времени.

Он только что говорил, что я все воспринимаю как намек на секс, а сам подглядывает! Мысли у парней всегда сводятся к одному. Мне вдруг становится противно, словно мокрая

кофта еще на мне. Я чувствую, как пылают мои щеки, а руки сами сжимаются в кулаки. Даже не знаю, я больше зла и разочарована в Кэмероне или в себе за то, что поверила ему.

– Сделаю вид, что поверила, – хватаю промокший пуловер с сумкой и иду к двери, но выйти мне не удастся, потому что Кэм прижал ее своей спиной. Я вопросительно смотрю на него, намекая на то, что он должен отойти.

– Я не смотрел, пока ты переодевалась, – вновь повторяет он.

– Хорошо. Спасибо за то, что одолжил кофту. А теперь можно мне выйти? Пожалуйста, Кэмерон.

Слово «пожалуйста», произнесенное дрожащим голосом, работает как заклинание: Кэм тут же отходит в сторону и открывает дверь.

– Черт, Банни, – доносится за спиной его голос. – Мы только нашли бесконфликтную волну, а я уже облажался.

Стиснув зубы, я поворачиваюсь и продолжаю идти по коридору, не оглядываясь.

– Это было до того, как я поняла, что ты извращенец.

– Это есть, – вскинув ладони в мирном жесте, он медленно приближается, – когда ты попросила меня снять трусы, ты не была извращенкой. А когда я якобы подсматривал, – он демонстрирует пальцами кавычки, – хотя не делал этого, ты поставила на мне клеймо извращенца?

Кэмерон словно нарочно говорит это громко, чтобы все в коридоре услышали. Когда я вижу, что все обернулись, мне хочется провалиться сквозь землю. Открываю рот, чтобы ответить, но вдруг спиной упираюсь в кого-то.

– Осторожней, Уолш, – я сразу же узнаю голос Гарри. Он крепко сжимает мои плечи, придерживая. – Уже напилась? Не рановато?

– Это же вечеринка, – я оборачиваюсь и дергаю плечами, освобождаясь от его рук. – Здесь нельзя напиться слишком рано.

Взгляд Гарри слегка рассеян, тонкие губы растянуты в ленивой улыбке. Он выглядит сонным или обкуренным. Темные волосы растрепаны, но это явно не предусмотренный эффект, а работа женских пальцев, недавно игравших с его прической. След от розовой помады на воротнике расстегнутой рубашки разобьет Джин сердце.

Вытянув руку, Гарри опирается ладонью о стену и, взглянув на Кэмерона, взмахивает пальцами.

– Какими судьбами, Кэми? Не думал, что увижу тебя здесь сегодня.

– А что я по-твоему обычно делаю в выходные? Домашнее задание по математике или помогаю пожилым соседкам печь кексы?

– Да я не об этом, – потирая большим пальцем губу, Гарри внимательно смотрит на Кэмерона, прищуривая взгляд покрасневших глаз. – Так ты не знаешь.

– Не знаю чего?

– Майк вернулся в город сегодня.

Кэмерон раскрывает рот и теряется на несколько секунд. Впервые за время нашего знакомства я вижу его не уверенным в себе парнем, а действительно растерянным и обеспокоенным.

– Зейн в курсе?

– Не знаю. Но если бы он был в курсе, то знал бы и ты, верно?

– Твою мать. – Кэмерон хлопает ладонями по карманам джинсов и достает телефон.

– Все в порядке? – спрашиваю я.

– Да, все хорошо, – улыбнувшись, Кэм быстрым движением дотрагивается пальцем до кончика моего носа. – Тебе идет, – указав на свитшот, он подмигивает. – Передавай привет своему парню, пусть будет аккуратнее в следующий раз.

Кэмерон быстро уходит, звоня кому-то.

– Я сейчас ослышался, – не оборачиваясь, Гарри поднимает руку и указывает большим пальцем за свою спину, – или он только что сказал, что-то про твоего парня? Когда Райан Гослинг успел вылезти из телевизора и закрутить с тобой роман?

– Да просто ляпнула это, чтобы ко мне не клеились.

– Ты сейчас про Кэмерона? Ты серьезно хочешь сказать, что он клеился к тебе? – облизнув губы, он усмехается. – Да брось. Кэма не интересуют фрики.

– Заткнись.

Гарри снова смеется, а я, прикусив губу, замолкаю ненадолго, прежде чем спросить:

– А кто такой этот Майк?

– Друг.

– И все? Кэмерон заволновался, когда услышал о нем.

– Ты его не знаешь, – мельком взглянув на наручные часы, Гарри отходит от стены и идет в сторону лестницы. – Вечно вы, девушки, лезете со своими вопросами куда не надо. Кстати, ты едешь в Яму?

Ямой называют автомобильную свалку в нескольких километрах от города. Днем это обычная и никому не нужная груда металла, но ночью там происходят самые безбашенные вечеринки. Если хотите купить что-то запрещенное, вам туда. Оттянуться – туда. Поучаствовать в оргии – тот же адрес.

– Нет, не еду. Тебя Джин искала.

– Кто ищет, тот всегда найдет.

– Хотя бы напиши ей, что не сможешь прийти.

– Передай сама.

– Гарри! – я ударяю его влажным пуловером по плечу.

– Напишу-напишу, – вскинув ладони, он смеется, уже спускаясь по лестнице.

Он не напишет Джин, а потом скажет, что сел телефон. Он может объясниться тем, что голышом летал на Марс с Дональдом Трампом, и Джин все равно поверит.

Глава 5

Прачечная.

11.02.18. Утро.

– Как думаешь, может, мне стоит набить розы и с другой стороны? – голос Келси отдается в наушниках, пока я бреду по кампусу с корзиной белья. – Типа симметрия.

– Ты пока эту набивала, чуть не умерла от страха. Лучше скажи, как ты себя чувствуешь, Келс?

Конечно же, я спрашиваю о том, как она чувствует себя после расставания с Максансом. Вряд ли от чувств она избавится так же легко, как от татуировки.

– Не буду врать, мне очень плохо, поэтому я созвонилась с Кэти. Съезжу к ней на пару дней, развеюсь.

Я подхватываю корзину одной рукой, а второй открываю стеклянную дверь в прачечную.

– Вот и правильно. погоди, к Кэти? Это ведь с ней ты была, когда сделала себе тату? Боюсь представить, с чем ты вернешься на этот раз.

– Помолись, чтобы это был не генитальный герпес.

– Я молюсь об этом со времен старшей школы.

– Слушай, я тут подумала... Может, нам сделать парные тату? Типа «сестры навсегда».

– Спасибо, но я пас, – остановившись у автомата с порошком, опускаю корзину на пол. – Татуировки – не мое.

– Знаешь, если бы ты связалась с тем красавчиком из «Скетча», то – готова поспорить – ему понадобилось бы всего пару минут, чтобы уговорить тебя на татуировку.

– Если бы я связалась с красавчиком из «Скетча», – запускаю руку в сумку и, набрав мелочь, бросаю монетки в автомат, – это означало бы, что я окончательно потеряла рассудок, потому что меня не интересуют парни, которые закручивают романы со скоростью света и заканчивают их так же быстро.

– Главное, чтобы в постели так же быстро не заканчивали.

– Мне обязательно комментировать это?

Тем временем я выбираю в меню автомата порошок и кондиционер, но ничего не происходит. Жму на кнопку выдачи сдачи, но снова ничего.

– Хочешь сказать, что Кэмерон не в твоём вкусе?

– Кэмерон во вкусе каждой, Келси, – хлопаю ладонью по автомату, пытаюсь заставить его работать. – Но если парень выглядит как идеал, сошедший с обложки журнала, это не дает ему права вести себя так самонадеянно.

Черт, да что не так с этим автоматом?

Вдруг кто-то выдергивает один наушник из моего уха. Поворачиваю голову и, видя Кэмерона, едва сдерживаю недовольный стон.

Почему каждый раз, когда я обсуждаю его с кем-то по телефону, он будто материализуется из воздуха? Скорее всего, с его стороны я выгляжу так, будто только и делаю, что сутками обсуждаю его и мечтаю о нем.

– Келс, я перезвоню, – говорю я, глядя в глаза Кэму.

Вытащив второй наушник из уха, натягиваю улыбку и, пробормотав тихое «привет», вновь поворачиваюсь к агрегату.

– Это делается вот так.

Он сжимает руку в кулак и бьет по боковой стенке оранжевого автомата. Таблетка с порошком и прозрачный пакетик с голубым кондиционером оказываются внизу.

– Спасибо, – бормочу я, забирая порошок.

– Знаешь, эти случайные встречи становятся странными. Если, конечно, – он подмигивает, – ты не следишь за мной.

– Или ты за мной.

– Я пришел сюда раньше, – он указывает большим пальцем на одну из работающих машинок.

Господи, он теперь каждый раз будет находить какую-нибудь машину за моей спиной, чтобы опровергнуть мои объяснения? То автомобиль, теперь стиралка, не удивлюсь, если в следующий раз будет швейная машинка.

– Пытаюсь спасти кофту, – поясняю я, возвращаясь к корзине с бельем. – Надеюсь, что она отстирается.

– Ту, на которую твой парень пролил сок с водкой?

– Кто-кто пролил?

– На вечеринке ты сказала, что сок на тебя пролил твой парень, – напоминает Кэм, присаживаясь на одну из выключенных машинок.

Совет дня от Энди: никогда не врите про воображаемых парней, слишком сложно помнить о ваших отношениях.

– Это та самая кофта, – отвечаю я, не найдя других слов и, бросая монетки в стиральную машинку, стараюсь не смотреть на Кэма.

Не понимаю, зачем я соврала тогда на вечеринке. Возможно, за меня солгало выпитое пиво. Я уже жалею об этом и не знаю, как выйти из ситуации, поэтому все движения сейчас словно в замедленной съемке: я стараюсь как можно дольше не поворачиваться, но все же я физически ощущаю на себе пристальный взгляд Кэма.

– Ты пялишься, – поджав губы, продолжаю закидывать белье в барабан.

– Это плохо?

Наконец поворачиваю голову.

– Это неприлично.

– Как мало ты знаешь о неприличном, Банни.

Запустив пальцы в свои волосы, Кэм слегка взъерошивает их, отчего становится еще более привлекательным, чем обычно.

– Как там поживает Келси и ее новая великолепная татуировка?

Заправив порошок и кондиционер, нажимаю пару кнопок, выбирая режим, и жму «старт». Повернувшись, опираюсь бедром на машинку.

– Неплохо, подумывает сделать вторую.

– Так всегда и бывает, это нечто вроде болезни. Сделаешь одну, а потом уже не остановиться.

– Да, я заметила, – кивком указываю на его руки. – Когда ты набил первую?

– В пятнадцать, когда мы с другом купили подержанную машинку через интернет.

– Плохое начало.

– Ты права, – он усмехается. – Я рад, что мы не заразились гепатитом.

– И что же ты набил первым?

– Попробуй отгадать, – он закатывает рукава толстовки и жестом подзывает меня к себе.

– Что ж, – говорю я, подходя ближе и рассматривая множество смешных рисунков. – Это будет сложно. Они все жутко глупые.

– Каждая из них означает потерю близкого человека.

– Боже, – прижимаю пальцы к губам. – Прости, я не...

Но я тут же замечаю, что он смеется, и толкаю его в плечо.

– Ты ненормальный! Кто шутит с такими вещами?

– Прости, но я очень хотел увидеть это выражение на твоем лице. Стыд и раскаяние.

Он пародирует мою мимику, и я раздражаюсь в первые секунды, но почти тут же забываю обиду и смеюсь.

– Большая часть из них ничего не значит. Я считаю, что нет смысла придавать татуировкам какое-то определенное значение, ведь каждый день что-то меняется: ценности, устои, правила, так что это все – просто рисунки.

– А есть хоть одна по-настоящему важная?

– Для этого мне придется раздеться, милая. В последний раз ты сказала, что не хочешь этого, но если ты передумала...

Кэм подхватывает край толстовки с логотипом «Чикаго Буллз» и начинает его поднимать, но я тут же останавливаю юношу.

– Думаю, что могу спокойно прожить эту жизнь, не увидев твою важную татуировку.

– Уверена?

– У тебя всегда возникает такое сильное желание раздеться при встрече с малознакомыми девушками?

Его губы медленно расплываются в многозначительной улыбке.

– Понятно, можешь не отвечать.

– Ну, так что? – он вытягивает правую руку. – Обещаю, что ты не влюбишься в меня намертво, если подойдешь чуть ближе.

– Конечно. Надеюсь, что смогу устоять, но это только пока ты одет. Постарайся не раздеваться, иначе я просто не смогу контролировать свою страсть.

Кэм усмехается, а я подхожу ближе и дотрагиваюсь до теплой кожи, неуверенно обхватывая пальцами его запястье. Он чуть двигается и, возможно, нарочно задевает коленом мое бедро, и от этого прикосновения кожа горит даже сквозь ткань джинсов.

Продолжаю рассматривать его татуировки и искать ту, которая могла быть первой.

– Серьезно? – я цокаю языком. – Пакман?

Кэмерон ерзает, придвигаясь еще ближе, и я улавливаю запах парфюма, табака и банановой жвачки. Это странное сочетание ароматов вызывает у меня легкую улыбку.

– Ставишь на Пакмана? – спрашивает он, и своим лбом почти касается моего.

– Ставлю на то, что ты был не в себе, когда набивал это.

– Я был в игривом настроении.

– Ты ведь в нем постоянно, да?

– Отчасти.

– Ставлю на эту, – провожу пальцем по фигурке человечка на скейтборде.

Это даже не фигурка, а набор кривых линий и кружочков. Думаю, только эти пару палочек и смогли бы набить мальчишки, которые впервые взяли в руки тату-машинку.

– Угадала.

Поднимаю голову и встречаюсь со взглядом Кэмерона. Сейчас его глаза кажутся не голубыми, как обычно, а, скорее, цвета пасмурного неба. Мы настолько близко друг к другу, что я могу разглядеть темную каемку вокруг радужки глаз и маленькие серые крапинки. Вдруг я замечаю, что мои пальцы как-то уж слишком задержались на его запястье и убираю руку, а потом зачем-то опускаю рукав его толстовки.

Отлично, Энди! А чего капюшон на него не надела и шнурки не завязала?

– Так, – потирая переносицу, Кэм пытается скрыть усмешку. – Чем ты еще занимаешься?

– Еще?

– Ну да, помимо того, что разгуливаешь по кампусу в пижамных штанах и болтаешь обо мне со всеми подряд.

– Я не разговариваю о тебе, это было всего два раза, и оба этих раза ты случайно оказывался рядом.

– Ну конечно. Представляю, – Кэм жестом показывает телефон и якобы подносит трубку к уху. – Звонишь друзьям, знакомым...

– Замолчи.

– Рассказываешь о том, как хочешь, а потом не хочешь мою татуировку. И вот, когда все отказываются тебя слушать, ты открываешь телефонный справочник и начинаешь звонить в алфавитном порядке.

– Ну перестань уже, – я начинаю смеяться.

– Звонишь на горячую линию помощи подросткам, в доставку пиццы, в техподдержку «Гугл» – тебе уже неважно, с кем ты общаешься, лишь бы они выслушали историю о горячем татуировщике. А когда наступает ночь, ты надеваешь одолженную мной толстовку и...

– Кэмерон!

Шагнув вперед, я закрываю его болтливый рот ладонью. Глаза Кэмерона расширяются, а губы под моими пальцами дрожат от смеха. Медленно отвожу ладонь и, конечно же, встречаю улыбку.

– Ты только что назвала меня по имени.

– Уверен?

– Я абсолютно уверен в этом, Энди.

Он называет мое имя тихо, приглушенно, будто рассказывает секрет. И, если честно, мне до безумия нравится, как мое имя звучит из его уст.

– По поводу твоей толстовки, я на днях заходила в «Скетч», и Мэй сказала, что тебя нет, но ты передал, чтобы я оставила ее у себя.

– Так и есть.

– Почему?

– Потому что это предлог. Отдашь мне толстовку, когда захочешь увидеться. Это будет отличный и ненавязчивый повод.

Отстранившись, облокачиваюсь ладонью на одну из машинок.

– Что ты делаешь? – спрашиваю я, прищурившись.

Обычно этот вопрос задает мне Кэмерон, когда застает меня в неловкой ситуации. Но теперь мы впервые поменялись ролями.

– А что я делаю, Банни? – вскинув брови, он ерзает, усаживаясь поудобнее.

– Да я все никак не могу понять, ты издеваешься, или я тебе нравлюсь. И если нравлюсь, то должна сказать, что у меня действительно нет времени на отношения и свидания: я полностью в учебе.

– У тебя вроде парень был недавно, – Кэмерон изображает на лице искреннее сочувствие. – Неужели вы расстались? Не может быть! Что-то случилось?

Если я когда-нибудь перестану попадать в неловкие ситуации перед Кэмом, то, скорее всего, только когда небо рухнет на эту землю, а «Синие викинги» Максанса станут всемирно известной музыкальной группой.

– Мы то сходимся, то расстаемся, – скрестив руки на груди, пожимаю плечами, – Постоянно. А вообще, это не твое дело.

– Это простой вопрос, Банни, а ты злишься, и я, хоть убей, не понимаю почему.

– Не думаешь, что ты задаешь слишком личные вопросы?

– Не думаешь, что отвечать на них было бы гораздо легче, если бы ты не врала?

Вне себя от злости, сжимаю кулаки. Во лжи виновата я, но при этом злюсь я только на Кэма.

– Не думаешь, что ты переходишь границы, задавая личные вопросы?

– Но ведь тебе это нравится. И ты очень сильно боишься того, что это так. Разве нет? Брось, Банни, мы только что хорошо проводили время.

– Слушай, – вздохнув, я прикладываю ладонь к груди, – понимаю, что тебе скучно просто сидеть и ждать, пока стирается одежда. Но перестань уже издеваться надо мной, это утомляет.

И, не дождавшись ответа, я отхожу в сторону кофейного автомата. Разглаживаю помятую купюру и мысленно ругаю себя. Мне надо было просто признаться, что соврала или беззаботно отшутиться, – выглядела бы умнее.

– Я не издеваюсь над тобой и не подкатываю, – Кэмерон останавливается рядом и, облокотившись плечом на автомат, прячет руки в передние карманы джинсов.

– Тогда, – усмехаюсь я, – что же ты делаешь?

– Я общаюсь с тобой, Энди. Ты же в курсе, что люди общаются друг с другом не только для того, чтобы подкатывать? Оглянись, многие ведут диалоги, не будучи при этом в отношениях. В том, что ты смущаешься от невинно брошенных фраз, нет моей вины. Хотя должен признать, что даже мои разговоры о погоде или о блинчиках с шоколадом очень возбуждающие, но тут ничего не поделаешь.

Кэм пожимает плечами и отходит к ряду стульев, чтобы взять джинсовую куртку, что висит на спинке. Достав из кармана пачку сигарет, он выходит на улицу, оставляя меня наедине со своими мыслями.

Ладно, если отбросить разговор о возбуждающих блинчиках, погоде и пошлые шутки, и правда возникает вопрос: откуда это убеждение, что парень может захотеть общаться со мной, только если я ему нравлюсь или если он надо мной издевается? Я совсем отвыкла от новых знакомств и теперь вижу, что выгляжу как дикарка.

Беру маленький картонный стаканчик из автомата и, пока размешиваю сахар, наблюдаю за Кэмом сквозь стеклянные двери. Присев на скамейку, он закуривает сигарету, откидываясь на деревянную спинку. Потоптавшись на месте в нерешительности, выхожу на улицу и сажусь рядом. Кэм косится на меня, но не поворачивает голову.

– Теперь ты преследуешь меня. Это подкат или ты издеваешься надо мной?

– Ну да, – отвечаю я и пожимаю плечами. – Подкат. Ты плохо понимаешь мои намеки, вот я и решила попробовать взять тебя молчаливым напором и настойчивым взглядом.

Он делает очередную затяжку и, потушив сигарету в урне, поворачивается.

– Даже не знаю, что мне нравится в тебе больше, Энди: когда ты молчишь или когда несешь всю эту милую чушь.

– Слушай, мне сейчас правда очень неловко. Наверное, теперь ты считаешь меня не только фригидной, но и сумасшедшей пьяницей с манией величия.

– Разве что немного. Потому что отчасти ты была права: ты определенно нравишься мне, Энди Уолш. И да, я подкатываю к тебе.

Усмехнувшись, качаю головой и откидываюсь на спинку скамейки. Сделав глоток капучино, я молча протягиваю стаканчик Кэму в знак примирения. Он берет кофе, и я уже точно знаю, что он нарочно касается моих пальцев, а я отчаянно пытаюсь найти в себе желание отстраниться, но не могу.

Кэмерон поднимается и идет обратно к дверям прачечной.

– Эй, – оборачиваюсь я, – а мой кофе?

– Прости, милая, но теперь это мой кофе. Теперь у меня будет повод, чтобы угостить тебя в ответ.

– Кэм, – зову я, когда он открывает стеклянную дверь, – если вдруг захочешь угостить, то я больше люблю шоколадное молоко.

Он присвистывает.

– Вот же черт.

– Что на этот раз?

– Это звучит как напиток для мечтательных девственниц, которые очень хотят татуировку.

– Придурок.

Качнув головой, я отворачиваюсь и мысленно отмечаю, что не могу перестать улыбаться.

Глава 6

Университет, столовая.

12.02.18. День.

Во время обеда у меня разыгралась мигрень из-за Нейта и Джин. Они без остановки смеются, бросаются едой и совсем не собираются помочь мне с подготовкой к тесту по астрономии, как обещали. Сжимая тетрадь с конспектом, я поглядываю на вход в столовую, надеясь увидеть Гарри, который, как обычно, задерживается; это моя последняя надежда, может, хоть он поможет мне с учебой.

– Нейт, ну отдай! – Джин со смехом перегибается через стол, пытаюсь отобрать у него яблоко. – Ты сейчас получишь!

– Да? – он смеется, пряча яблоко за спину. – Напугала.

– Я же сейчас встану.

– Это что, должно было убедить меня? Эндс, ты слышала? Она сейчас встанет.

– Сейчас я встану, если вы не поможете мне, – говорю я и прикрываю лицо тетрадью, когда Джин кидает в Нейта морковные палочки.

Со стороны они смотрятся, как влюбленные школьники, а точнее, Нейт: он буквально светится, когда Джин рядом. И как она не замечает этого?

– Даже не вздумай его есть, я же на диете, и это яблоко – самая вкусная часть моего обеда.

– Зачем тебе худеть? Ты и так, когда встаешь боком, становишься почти прозрачной.

– У меня бока висят.

– Не носи чушь.

Нейт прав, Джин действительно даже слишком худая, только вот на днях Гарри умудрился пошутить, назвав ее «крепышкой», и теперь она мучает себя диетой.

Глянув в сторону, Джин вздрагивает. Причина ее ступора – Гарри. Он идет по столовой, закинув руку на плечо Пруденс Шафтер. Прю – хорошая девушка, в свободное от учебы время она занимается благотворительными фондами и поет в церковном хоре. И ей не место рядом с таким парнем, как Гарри.

Скривив губы, Джин отворачивается, а вот Нейт с интересом оглядывается.

– Черт возьми, он закадрил святошу! Как?

– Да как обычно, – отвечаю я. – Наверное, пригрозил вырезать всю ее верующую семью.

– Не смешно, – бурчит Джин, опуская взгляд на тарелку с салатом. – Странно, что его вообще заинтересовала скромница.

– Не расстраивайся, – подбадривает Нейт, возвращая ей яблоко. – Это ненадолго.

Гарри провожает Прю до столика, где сидят ее подруги, и направляется к нам. Поправив волосы, Джин запрокидывает голову и начинает смеяться. Так ненатурально и громко, что даже жутко.

– Ох, Нейт, ты как скажешь, со смеху можно умереть.

– Что вас так рассмешило? – отодвинув стул, Гарри присаживается напротив и, сцепив руки под подбородком, подмигивает. – Как прошли выходные, Джини?

– Прекрасно, – пожав плечами, она выхватывает тетрадь из моих рук. – Что там тебе нужно было проверить?

– Джини, ну прости за то, что не позвонил тогда.

Все-таки не позвонил. Пинаю под столом ногу Гарри, на что он лишь приподнимает уголки губ.

– Ничего страшного, мне было чем заняться.

– Эй, – он подается вперед и, протянув руку, сжимает ее ладонь, – я правда хотел позвонить тебе, но у меня появились срочные дела.

Он говорит так правдоподобно, что я еле сдерживаюсь, чтобы не вмешаться в разговор. Перевожу взгляд на Нейта: тот молча следит за ребятами.

– Все в порядке? – поверив, обеспокоенно спрашивает Джин.

– Теперь да. У меня были проблемы, и на самом деле ты – единственная, кому я хотел позвонить, но правда не мог. Сложные обстоятельства, понимаешь?

– Конечно, – выражение ее лица смягчается, и она откладывает мою тетрадь.

И как глядя на это можно вообще доверять парням? Я бы могла влезть со своей правдой, но проблема в том, что она не нужна Джин. Мы пару раз сильно ругались из-за этого. Даже если я принесу ей видеодоказательство, а Гарри скажет, что это фейк, она поверит ему.

– Мне пора, – Нейт, не выдержав, отодвигает стул и поднимается с места. – Опаздываю кое-куда.

– Что с ним творится в последнее время? – спрашивает Джин, глядя ему вслед. – Дерганый какой-то, нервный. Во время последней вечеринки он, как строгий папаша, постоянно тащил меня домой. Клянусь, в какой-то момент мне показалось, что Нейт поставит меня в угол.

– Думаю, это курсовая на нем так сказывается, – прикрываю я его, потому что на его месте хотела бы именно этого. – Все уже начали писать, а Нейт чуть ли не единственный, кто до сих пор не выбрал тему.

– Да, наверное, ты права.

– Господи, – усмехается Гарри. – Только не говори, что не видишь этого, Джини.

– Не вижу чего?

Я понимаю, что Гарри собирается сделать и снова пинаю его под столом, намекая на то, что он должен заткнуться.

– Того, как он смотрит на тебя.

Ну все, я убью его.

– Эй, Гарри, а как ты познакомился с Прю? Случайно не в Яме, где она помогала спившимся студентам найти путь к Господу?

– Нет. А как дела у твоего парня, Уолш?

– О чем ты? – спрашивает Джин.

– Уолш отшила Кэмерона, потому что у нее есть парень, – откинувшись на спинку стула, Гарри смотрит за мою спину и взмахивает рукой. – А давайте спросим у самого Кэма.

Тревожно оборачиваюсь и вижу, что Кэмерон сидит в кругу друзей, а когда Гарри снова зовет его, он поднимает указательный палец, прося подождать, и продолжает рассказывать историю, после которой компания за столом начинает хохотать.

Только бы эта история была не про девушку, которая полезла рукой в унитаз. Ради этого я готова, как Прю, помогать спившимся студентам встать на путь истинный. Если надо, даже записалась бы в церковный хор. Как бы мне хотелось, чтобы Кэм понял мои мысли и не пошел сюда, но он поднимается с места и направляется к нам, отчего у меня резко сводит желудок.

– Умоляю, спаси меня, – шепчу я Джин.

По пути Кэм останавливает идущего навстречу парнишку с подносом и, поболтав с ним пару секунд, берет что-то у него.

– У нас тут с Энди возник маленький спор, – говорит Гарри, когда Кэм останавливается рядом.

– Обожаю споры, – он ставит на стол пакетик клубничного молока и двигает ко мне. – Угощаю, как и обещал.

Так вот что он взял у того парня с подноса.

– Но я люблю...

– Шоколадное, я помню. Это все, что я смог достать, пока пробирался к тебе через тернии, Банни.

– Тернистый путь через пять столов? – я прикладываю ладонь к груди. – Это так романтично, Кевин.

Усмехнувшись, он переводит взгляд на Гарри.

– Так что за спор? Не можете решить, кто из вас троих пойдет со мной на свидание?

– Ответ очевиден, – говорит Гарри. – Я самый симпатичный из нас троих. Так что пойду я.

– Прости друг, но я при любом раскладе выберу, – Кэм делает паузу, переводит взгляд на меня, затем на Джин и снова на Гарри, – Зейна.

– Помнишь тусовку, когда я сказал, что Майк в городе?

Кэмерон при этих словах напрягается, а взгляд становится суровым. И мне снова становится интересно, кто такой этот Майк и почему при упоминании его имени Кэм так меняется в лице.

– Допустим.

– Помнишь, как ты попросил Уолш передать привет ее парню?

Я вжимаю голову в плечи, а вот Кэмерон расслабляется.

– Помню, но они расстались недавно. Ведь они, – он поднимает взгляд к потолку, делая вид, что вспоминает что-то, – то сходятся, то расстаются, потому что у Энди мало времени, она вся в учебе.

– Ну да, – Джин закидывает руку на мое плечо. – Они снова вместе, недавно сошлись. Очень страстные и запутанные отношения.

– Да, у нас сложные отношения. Он у меня плохой парень.

Как я только что сказала? Кэм уже даже не пытается скрыть смех. Если бы на столе лежал пистолет, я бы незамедлительно выстрелила себе в голову.

– О нет, – произносит вдруг Джин, схватив зазвонивший телефон. – Я забыла забрать флаеры у Холли! Эндс, ты же поможешь мне завтра раздать их?

Не успеваю даже кивнуть, как Джин уже бежит вдоль ряда столов и, прижав телефон к уху, оставляет меня одну справляться со стыдом и позором.

Друзья Кэмерона окликают его, собираясь уходить, он кивает, но не спешит за ними и склоняется к моему уху, чтобы прошептать:

– Зачем тебе плохой парень, когда есть я?

Почувствовав теплое дыхание на своей коже, я изо всех сил стараюсь игнорировать мурашки, бегущие по всему телу. Кэм чуть отстраняется, заглядывает мне в глаза и ждет ответа.

Я думала, что это риторический вопрос, потому что когда такой парень, как Кэмерон Райт, бросает клишированную фразу, он должен сразу же таинственно исчезать. Но он все еще здесь, его губы в паре сантиметров от моих, и я чувствую, что мне необходимо отстраниться. Кэм снова нарушил мое личное пространство, но почему-то сейчас меня это совсем не раздражает. А так быть не должно.

– Когда есть ты? – тихо переспрашиваю я, отстраняясь. – Менять одного плохого парня на другого? Не вижу смысла.

– Я принес тебе молоко, Банни, я хороший парень.

– Ты отобрал это молоко.

– Нет, – он цокает языком, – я его попросил.

– С чего ты взял, что мне нужен хороший парень?

– Ты сама не знаешь, чего хочешь.

– Полагаю, ты знаешь?

Приподняв уголки губ, Кэмерон не отвечает, хотя мой вопрос тоже не был риторическим.

– Увидимся, Банни.

Подмигнув, он возвращается к друзьям, а я остаюсь за столом с Гарри. Барабанив пальцами по столу, он качает головой.

– Осторожней с ним, Уолш. Кэм – не лучшая компания для тебя.

– Разве не ты позвал его сюда?

– Я серьезно.

– Почему?

– Потому что.

– О, ну это все объясняет.

– Просто поверь мне на слово, – поднявшись из-за стола, он идет к выходу.

Я подхватываю сумку с тетрадью и тороплюсь следом.

– Ты совсем ничего мне не расскажешь?

– Нет.

– Хорошо, тогда, может, хотя бы поможешь мне с астрономией и задашь вопросы, раз все нормальные люди отказались?

– Тридцать баксов.

– Я не дам тебе ни цента.

– Ладно, – тяжело вздохнув, Гарри оборачивается и забирает тетрадь из моих рук. Пробежавшись по тексту взглядом, он цокает языком. – Альфа центавра, инфракрасная спектроскопия, хроматическая аберрация. Что за ерунда? Из всего этого мне знакомо только слово «альфа», потому что это я.

– Про тебя другая книга есть: «Обратная эволюция человека в наглую обезьяну».

– Заткнись, Уолш.

Глава 7

*Аллея перед Университетом.
13.02.18. День.*

Вечеринки в университете важны почти так же, как и сама учеба, если не больше. Быть другом члена общины означает, что тебе обеспечен вход на все лучшие вечеринки. Это не только дружба, но и взаимная выгода. Помогая общине – получаешь доступ к хорошему алкоголю, пока остальные пьют дешевое пиво, смешанное с водкой.

Мы с Джин ходим вдоль аллеи перед главным корпусом и помогаем раздавать приглашения на пижамную вечеринку, потому что Холли из «Теты Ви» попросила выручить ее и раздать часть листовок, чтобы она могла съездить за город на пикник со своей очередной «судьбой» – с Джереми.

– А что, если раскидать их прямо в коридоре? – Джин забирает мою половину стопки, так как свою уже раздала, и тут же протягивает флаер проходящей мимо девушке. – Или у стадиона.

– Стадион – не наша территория, а мы дежури на посту Холли.

– Дежури в тот момент, когда они с Джереми занимаются своим веганским сексом.

– Ты считаешь, если люди веганы, – говорю я, протягивая листовку проходящему парню, – то и секс у них должен быть веганским? Он какой-то особенный, с привкусом базилика или вроде того?

– Ну, не знаю насчет базилика, – Джин пожимает плечами. – Но я уверена в том, что они используют цукини или бананы.

– Фу, это мерзко.

– Это секс.

– С цукини и бананами.

– Я тебе серьезно говорю, веганы – те еще извращенцы. Попробуй как-нибудь на досуге поэкспериментировать с овощами вместе со своим плохим парнем.

Боюсь, что шутки на эту тему никогда не потеряют актуальность. Я рада, что не рассказала Джини о том, как Кэмерон застал меня перед унитазом, а еще я умолчала об одолженной им толстовке. Лишние шуточки и подтрунивания с грязными намеками мне ни к чему.

– Кстати, а где Нейт? Обещал помочь, а сам опаздывает. Надеюсь, на этой вечеринке он не будет вести себя так же, как в прошлый раз.

– Не будет, – уверенно отвечаю я. – Он уезжает домой на выходные.

– Почему? Он же так хотел пойти.

Ничего не ответив, просто пожимаю плечами и продолжаю раздавать флаеры.

– Я думала о словах Гарри в кафетерии. Он намекнул, что я нравлюсь Нейту. Он сказал правду, да?

Услышав этот вопрос, я замираю и боюсь обернуться, потому что знаю, что по одному моему взгляду Джин поймет все. Я не умею врать.

– Энди.

Прикрыв глаза, делаю глубокий вдох и оборачиваюсь.

– Что? – устало спрашиваю я. – Ну, что ты хочешь от меня услышать?

– Скажи, что Гарри ошибся, бредил, ляпнул чепуху, приревновал.

На последнем предположении я вдруг и фыркаю, но тут же понимаю, что совершила большую ошибку. Взгляд Джин резко меняется, становится холодным, а губы плотно сжимаются.

– Ну, и что это сейчас было?

– Джини, мы обсуждали это миллион раз, ты же знаешь, что я думаю насчет Гарри, поэтому не вижу смысла поднимать эту тему и вновь ругаться.

– А я, например, хочу обсудить это в миллион первый раз. Ты ошибаешься, потому что не знаешь его так, как я, – зажав флаеры под мышкой, она скрещивает руки на груди. – Наедине Гарри совсем другой.

– Он врет тебе, Джин, врет постоянно. А врет потому, что использует тебя. В погоне за Гарри ты упускаешь из виду человека, которому на самом деле небезразлична.

– Гарри со мной не только ради секса.

Она даже не слышит, что я говорю о Нейте. Это бесполезно, все равно, что кричать из комнаты со звукоизоляцией.

– Джини, прости, милая, но я скажу правду, – во рту пересыхает от волнения и нерешительности: говорить или нет? В итоге я решаю: – Гарри не с тобой, Джин, он вообще ни с кем. И он вряд ли создан для серьезных отношений, по крайней мере сейчас. Уж тебе ли не знать?

Джини вздрагивает, будто от пощечины. В уголках ее глаз собираются слезы, щеки краснеют, и я чувствую себя последней сволочью. Каждый раз разговоры о Гарри заканчиваются одним и тем же. Ненавижу говорить о нем.

Джин встряхивает головой, а затем ее лицо теряет всякое выражение, а взгляд становится равнодушным.

– Я бы восприняла эти слова всерьез, если бы услышала их от опытного человека. Прости, Энди, но у тебя за спиной лишь детские отношения, а вчера ты сочиняла сказки про воображаемого парня, так что не тебе давать советы.

Всучив мне оставшиеся листовки, Джин уходит не оборачиваясь. Я смотрю ей вслед, пока не теряю из виду в толпе студентов. Тихонько выругавшись, пинаю камень и бреду в сторону главного корпуса, вяло протягивая прохожим листовки.

На душе тяжело и гадко. И кто меня за язык тянул? Чего я добивалась?

У входа в главный блок стоит компания ребят, среди которых я сразу узнаю Кэмерона. Зажав сигарету между губ, он чиркает зажигалкой и, выдыхая дым, замечает меня. Взмахнув ладонью, он задерживает взгляд на стопке флаеров в моих руках. Ему любопытно, что это. Оглянувшись, Кэм останавливает девушку, которой я пару минут назад дала листовку. Пробежавшись взглядом по приглашению на пижамную вечеринку, он поднимает голову, и с наглой улыбкой смотрит на меня.

В эту минуту мне кажется, что я могу читать его мысли. Сейчас Кэмерон захочет упомянуть мои пижамные штаны, в которых я пришла в Скетч. Но после ссоры с Джин у меня настолько плохое настроение, что совсем не осталось сил на перепалки с Кэмероном, поэтому я стараюсь медленно скрыться. Но Кэм не отводит от меня взгляд. Он делает несколько коротких затяжек и, шелкнув пальцами, отбрасывает сигарету в сторону и спускается по ступеням.

Выругавшись, я разворачиваюсь и почти бегом стараюсь уйти как можно дальше от главного корпуса. Пройдя несколько метров, я решаюсь обернуться и замираю, потому что Кэм вовсе не преследует меня, как мне показалось изначально. Его вообще нет позади. Встав на цыпочки, пробегаю взглядом по толпе и, усмехнувшись, поворачиваюсь, но тут же сталкиваюсь с Кэмероном.

– Случайно не меня ищешь?

– Нет, и я спешу.

Делаю шаг в сторону, чтобы обойти его, но он преграждает мне путь. Шагаю в другую сторону – и он делает то же. Поджав губы, вскидываю брови в немом вопросе. Кэм молчит несколько секунд, а затем медленно поднимает руку с флаером, задерживая его на уровне своего лица.

– Ты же знаешь, – тихо говорит он серьезным тоном, – я просто, черт возьми, обязан сказать тебе что-то о тематике этой вечеринки.

– Нет, даже не думай.

– Пожалуйста, Банни. Я должен, – сжимая в пальцах листок, он качает головой. – Меня же сейчас просто разорвет, если я промолчу.

– Нет, Кэмерон, иначе я засуну эту листовку тебе в рот.

Мой ответ заставляет его рассмеяться.

– Можно я хотя бы спрошу, что ты наденешь в этот вечер?

– Знаешь, – вздохнув, я тру пальцами переносицу, – я не в том настроении. Мне нужно раздать всю эту пачку, а ты меня отвлекаешь.

Кэм забирает флаеры из моих рук и, не глядя, впечатывает стопку в грудь идущего навстречу парня, бросив ему короткое «раздай».

– Ну вот, я освободил тебя от работы, – он разводит ладони в стороны. – Разве я не солнышко?

– А как же «Я хороший парень»?

– Я хороший только для тебя, Банни.

Я решаю молча уйти. Кэм быстро нагоняет меня и закидывает на мое плечо руку, но я тут же ее сбрасываю.

– Что с настроением?

– Поругалась с подружкой.

– С Текилой?

– Ее зовут Джин.

– Расскажешь?

– Я ляпнула кое-что обидное.

– О, не сомневаюсь, это ты можешь. Рассказывай, – словно не замечая моего раздражения, он снова закидывает руку на плечо и, поймав прядь моих волос, накручивает ее на палец.

Мы идем против плотного потока студентов, я хочу отойти в сторону, чтобы ни в кого не врезаться, но Кэмерон сжимает мое плечо и притягивает чуть ближе к себе, и люди вдруг сами начинают обходить нас, уступая дорогу. Кэм идет неспешно, будто аллея совершенно пуста, и я даже начинаю немного завидовать его уверенности в себе.

Хоть мне и очень хочется выговориться хоть кому-нибудь после ссоры, я все равно раздумываю, стоит ли вообще делиться с Кэмом проблемами. Он спросил это из вежливости или

ему правда интересно? Но меня удивляет, что он молчит и не шутит уже пару минут, терпеливо ожидая, когда я заговорю.

– Мы поругались, – неуверенно начинаю я, опасаясь его будущих шуток, – потому что я сказала Джин то, что думаю, но не хотела ее обидеть.

– Никто не любит правду, Банни.

– Но, – говорю я, остановившись, и поворачиваю к нему голову, – ее использует парень, неужели мне молча смотреть и делать вид, что все нормально?

– Она ведь и без тебя знает, что ее используют?

– Да, но ей проще верить в ложь, которую она выдумала, чтобы оправдать его.

Вздыхнув, Кэмерон опускает вторую руку на мое плечо и сцепляет пальцы в замок за моим затылком. На этот раз я даже не пытаюсь отстраниться и внимательно смотрю на него. Мне вдруг становится интересно, что думает Кэм, и даже хочется, чтобы он встал на мою сторону в этом споре.

– Самообман – тоже лекарство, Энди.

Солнце светит прямо в лицо Кэма, и под прямыми солнечными лучами его голубые глаза светятся особенно ярко. И как только этому парню удастся быть настолько красивым? Таким, словно его обработали множеством фильтров в фотошопе.

Кажется, мои мысли словно написаны на лице, потому что Кэмерон усмехается, но сразу прикусывает губу, чтобы скрыть улыбку. И даже это действие выглядит как очередной платный фильтр. Кровь приливает к щекам, и мне становится стыдно за то, что Кэм понял, что я пялилась на него с восхищением.

– Знаешь, обычно я не хожу на свидания со своими фанатками, но для тебя могу сделать исключение.

У меня в легких заканчивается воздух. Самоуверенность Кэма злит меня, я выскальзываю из-под его рук и отстраняюсь, но это лишь вызывает у него очередной смешок.

– Так ты идешь на пижамную вечеринку?

– Нет, – сжав лямку рюкзака, я возобновляю шаг. – Планировала всю ночь провести в обнимку с твоей фотографией.

– Ты всегда можешь лично пожелать мне спокойной ночи, стоит только попросить.

– Знаешь, не думаю, что это лучше. Фотографии не так болтливы, как ты.

Как бы я ни ускоряла шаг, чертов Кэм все равно не отстает. Снова закинув руку на мое плечо, он склоняется ближе, и его теплое дыхание проскальзывает по моему виску.

– Я не из тех, кто любит болтать перед сном, Банни. Я немного по-другому желаю спокойной ночи.

По моему телу бегут мурашки, дыхание сбивается и я, как сумасшедшая, отскакиваю от Кэма. Поворачиваю голову и замечаю на парковке свой спасательный круг – Нейта. Прислонившись к капоту своей машины, он разговаривает по телефону, и я тут же указываю на него Кэму.

– Мне пора, меня ждет мой парень.

Глянув в сторону парковки, Кэм улыбается.

– Это ведь не так работает, Банни. Ты не можешь встречаться с любым человеком, на которого покажешь пальцем.

– Мы встречаемся.

– Правда? Может, познакомишь нас?

Конечно, я ни за что на свете не познакомлю их. Но меня так бесит самодовольное лицо и насмешливый взгляд Кэма, что я спешу на парковку лишь с одной мыслью – показать, что у меня есть парень. Знаю, что нет ничего глупее, чем устраивать это представление, но мне просто хочется, чтобы Кэмерон перестал так улыбаться.

Сжав кулаки, стремительно иду по парковке. Нейт все еще говорит по телефону, но заметив меня, он взмахивает рукой, а я подхожу вплотную и, схватив его за воротник толстовки, притягиваю к себе, чтобы поцеловать.

«Один, два, три. Достаточно».

– Энди, – замерев, говорит Нейт и глупо моргает, – Ты чего?

– Потом объясню, – выдыхаю я, направляясь к пассажирской дверце. – Подвезешь меня?

Несколько мгновений Нейт даже не шевелится, а затем неуверенно кивает. Плюхнувшись на сиденье, я хлопаю дверцей и, сложив руки на груди, смотрю на Кэмерона сквозь лобовое стекло.

Эффект получился совсем не таким, как я ожидала. У меня не только не получилось стереть наглую улыбку с его лица, – теперь он просто смеется. Постучав пальцами по груди, Кэм складывает ладони, жестом показывая сердечко, которое раскалывается напополам.

Глава 8

*Общезитие, комната Энди.
16.02.18. Вечер.*

Джин со мной не разговаривает, Нейт уехал домой на выходные, а моя соседка Роза заболела, поэтому лежит в горе носовых платков и злится из-за того, что я громко хожу по комнате и мешаю ей заснуть.

Нехотя наношу макияж, и, когда тушь ложится на ресницы комочками, я психую и все-рез задумываюсь о том, чтобы остаться дома и никуда не идти. Телефон на тумбочке вибрирует и, подхватив его, я сажусь на кровать.

Неизвестный номер: Знаешь, я был на сто процентов уверен в том, что это ты.

К смс прикреплена фотография с пижамной вечеринки, на которой девушка в плюшевом костюме кролика бросает шарик от настольного тенниса в стаканы с пивом. Она играет в пив-понг, и догадка почти верна, потому что это моя любимая игра, ведь нет ничего проще – кидай шарики в стаканы противника, да пей пиво.

Я: Откуда у тебя мой номер, Кэмерон?

Кэмерон: Он мне приснился.

Кэмерон: Где ты? Только не говори, что ты из тех девушек, которые куда угодно собираются по три часа.

Я: Конечно нет. Я опаздываю, потому что представляла, как ты принимаешь тропический душ, и совсем потеряла счет времени.

Кэмерон: Надеюсь, мы принимали этот душ вместе?

Ставлю экран на блокировку, но тут же приходит новое сообщение.

Кэмерон: Уже занесла мой номер в список контактов?

Я: Да, ты у меня записан как «Татуировщик № 2»

Кэмерон: Почему не № 1?

Я: Потому что я не хочу, чтобы ты был моим первым татуировщиком.

Кэмерон: Раунд. Молю, Банни, не забудь надеть те ошеломительные пижамные штаны.

Но последнее, что я надену в этот вечер – это те пижамные штаны. Выдвигаю ящик комода и, перебрав вещи, наконец достаю шелковые шорты цвета капучино и майку-сорочку на тоненьких бретельках. Затем распускаю косичку, которую заплела заранее, чтобы не прибегать к помощи плойки. Влезаю в кеды, накидываю джинсовую куртку и сумку через плечо и выбегаю за дверь. Сегодня практически весь кампус наряжен в пижамы, поэтому я не выделяюсь.

Пижамная вечеринка в доме «Теты Ви» ничем не отличается от обычной. Играет та же музыка, ругаются и танцуют те же люди, разве что голых задниц сегодня в два раза больше. Музыка ударяет по вискам, настроения нет, поэтому я наливаю в стакан побольше кокосового ликера с содовой и оглядываю гостиную в поисках Джин или хотя бы Гарри, но пока не вижу ни одного из них. С недовольством замечаю, что помимо друзей ишу и Кэмерона.

Выхожу на задний двор, чтобы отдохнуть от громкой музыки и сажусь на шезлонг у бассейна с подогревом, в который люди прыгают прямо в пижамах. Снова набираю Джин, но слышу только автоответчик. Начинаю злиться на себя за то, что вообще пришла. Кажется, помириться с Джин стремлюсь только я. Лучше бы я осталась дома и досматривала «Очень странные дела».

Мимо меня проносится Зейн, я машу ему рукой, но он даже не смотрит в мою сторону, направляясь к шумной компании, собравшейся за столом. Мне не требуется много времени, чтобы найти среди них Кэмерона. Его волосы лежат в привычном беспорядке. Сделав глоток из стакана, Кэм смеется над чем-то с друзьями. Кстати, он очень красив, когда смеется, и это почему-то раздражает меня. А может, меня раздражает девушка, которая стоит за его спиной в полупрозрачном пеньюаре и делает ему массаж плеч.

Наверное, я смотрю слишком уж пристально, потому что Кэмерон, словно чувствуя, что на него пялятся, поворачивает голову. Натянув улыбку, взмахиваю пальцами, но мой взгляд возвращается к женским рукам, что лежат на его плечах, и это, конечно же, не ускользает от внимания Кэма. Как только на его губах появляется идиотская улыбка, я тут же отворачиваюсь и, подняв стакан, делаю большой глоток.

– Что я только что видел? Это был ревнивый взгляд? – подойдя ко мне и остановившись напротив, Кэм прячет руки в карманы спортивных штанов и склоняется надо мной, чтобы заглянуть в глаза. – Пожалуйста, скажи «да», Энди, потому что мое сердце забилося чаще, и я буквально готов написать об этом песню.

– И как она будет называться? Ревность фригидной пьяницы?

– Так все-таки это была ревность.

– Не все ли равно?

Кэмерон садится на шезлонг напротив и, сцепив пальцы в замок, быстро оглядывает меня с ног до головы, чуть задерживаясь лишь на вырезе майки.

– Рад что ты здесь, Банни, я ждал, когда ты придешь.

– Зачем? – я прячу взгляд за краем стакана, пока делаю долгий глоток. – Тебе вроде было чем заняться.

– И чем же таким я по-твоему был здесь занят?

– Ну, – отвечаю я и киваю в сторону стола, за которым собрались его друзья, – например, сеансом массажа.

– Правда или действие, – говорит он, и я некоторое время непонимающе смотрю на него. – Мы играли, Арчи загадал Мие сделать массаж плеч каждому, кто в игре. Обернись.

Оглянувшись, я вижу, что та самая Мия в полупрозрачном пенюаре делает массаж девушке, одетой в пижаму в горошек. Нехотя поворачиваюсь обратно и встречаю улыбку Кэма.

– Ладно, – произношу я, поморщив нос. – Возможно, шутки про ревность я заслужила.

Кэм потирает переносицу и, кажется, он снова готов рассмеяться надо мной. Клянусь, если это произойдет, я сбегу отсюда, сгорая со стыда, чтобы не видеть этого.

– У меня нет девушки, Энди, – внезапно говорит он. – Все, с кем ты можешь меня увидеть – мои подруги или знакомые, не больше.

– Об этом я не спрашивала.

– Но подумала. Просто хочу прояснить, когда мне кто-то по-настоящему интересен, я не смотрю на других.

Кэм произносит это медленно и без намека на улыбку. Не хочу признавать, но мне приятно слышать это, хоть я и не верю ему. Но самое ужасное – мне почему-то хочется поверить в то, что он со мной искренен.

От ответа Кэмерону меня спасает звонок телефона, на экране мигает имя «Джин». Я беру трубку, но Джини не может ничего сказать и только плачет, снова и снова повторяя мое имя.

– Что случилось? – взволнованно спрашиваю я.

– Гарри кинул меня, уехал с этой... С этими... Черт, он просто уехал, бросив меня одну в Яме.

– Скоро буду, никуда не уходи.

Отставив стакан, я бросаю телефон в сумку.

– В чем дело? – спрашивает Кэм.

– В Гарри. Оставил Джин одну в Яме и уехал куда-то. Зачем она вообще поехала с ним на эту свалку?

– Я подвезу, – поднявшись, Кэм протягивает мне руку. – Пойдем.

Я, не раздумывая, соглашаюсь. И, если честно, если бы Кэм не предложил свою помощь, я попросила бы его об этом сама, потому что мне жутко страшно ехать одной в эту Яму. Я опускаю пальцы в теплую ладонь Кэмерона и следую за ним сквозь толпу.

Городской пейзаж за окном быстро сменяется темными полями, оранжевые фонари мелькают один за другим, освещая лишь дорогу перед нами, и у меня создается впечатление, что по краям асфальта разверзлась черная бездна.

Без остановки дергая ногой, я барабаню пальцами по крышке телефона. Если бы я не полезла к Джин со своей правдой, то мы бы не поссорились, и она сейчас не оказалась бы одна на свалке.

– Энди, – отвлекает меня от размышлений тихий голос Кэмерона. – Ты не виновата в том, что произошло сегодня с Текилой.

– Знаю, но от этого не легче. И ее зовут Джин.

– Ты не сможешь всегда быть рядом и работать подушкой безопасности между ней и Гарри, – он поворачивается и рассматривает мое лицо. – Не вини себя.

– Постараюсь, – вздохнув, откидываюсь на спинку кожаного сиденья. – Спасибо тебе за то... За то, что помогаешь.

– Пустяки, милая.

Когда мы подъезжаем к Яме, Кэмерон просит меня остаться в машине, но мне совсем не нравится эта идея.

– Ты даже имя ее запомнить не можешь. Уверена, что ты даже не узнаешь Джин!

– Банни, – заглушив двигатель, он закидывает руку на подголовник моего сиденья, – в Яме сегодня не пижамная вечеринка, так что ты в своих коротких шортиках посидишь здесь.

Но как только он выходит из автомобиля, я тут же вылезая следом. Услышав хлопок дверцы, Кэмерон останавливается. Не оборачиваясь, он запрокидывает голову и тяжело вздыхает.

– Черт, а я все думал, чего это у тебя нет парня? Но теперь понял: ты слишком упрямая, такое мало кто выдержит.

– У меня вообще-то есть парень, если ты забыл.

– Действительно. Извини, и как я мог забыть?

Мы тратим на глупые споры еще пару минут, но в итоге Кэм уступает и, взяв меня за руку, ведет вперед.

– От меня ни на шаг, поняла?

– Поняла, я ведь приехала сюда не играть с тобой в догонялки.

Мы проходим по мокрой траве, останавливаемся у ржавого сетчатого забора и находим в нем дыру. Кэмерон опускает ладонь на мою поясницу, помогая мне пробраться сквозь нее.

Перебравшись через разбросанные бамперы, мы попадаем на кладбище машин. Ночью здесь по-настоящему жутко: изможденные ржавчиной и временем автомобили лежат друг на друге, а разбитые фары, словно глаза, бездушно следят за каждым движением. Под ногами хрустит разбитое стекло то ли от машинных окон, то ли от бутылок. Недалеко слышится музыка и раздаются радостные возгласы. В паре метров от нас замечаю движение на капоте раздавленной машины.

– Кэм, – шепчу я, сжимая его ладонь, а второй рукой хватаюсь за его локоть.

– Не бойся, Банни, все нормально, – тихо успокаивает он. – Просто продолжай идти.

Тяжело сглотнув, переставляю ноги по земле и чувствую, что дрожащие колени вот-вот подведут меня. Уже жалею, что не послушалась Кэмерона и не осталась ждать в машине. Словно чувствуя, как я напугана, он поглаживает мою ладонь большим пальцем, без слов говоря: «Все хорошо».

– Ребята, – доносится с капота скрипучий мужской голос, когда мы проходим мимо. Вдруг он заходится сухим кашлем, что заставляет меня поежиться и сжать ладонь Кэма изо всех сил. – Есть пара лишних баксов?

Голос будто звучит из сломанных наушников: шипит и хрипит. У меня от этого звука кровь стынет в жилах.

– Прости, друг, – приветливо отвечает Кэм. – Мне бы самому кто помог.

Как только мы минуем это место, Кэмерон останавливается, чтобы посмотреть на меня.

– Ты в порядке?

– Да, просто немного испугалась.

– Ты вся дрожишь, иди сюда.

Обхватив за плечи, он притягивает меня к себе. Я теряюсь на пару секунд, но затем неуверенно поднимаю руки, чтобы обнять в ответ. Как только я прислоняюсь щекой к его груди и вдыхаю свежий запах стирального порошка, исходящий от футболки Кэмерона, я, к своему удивлению, замечаю, как беспочвенный страх тут же испаряется. Я слышу равномерное биение его сердца, и этот звук вместе с теплыми объятиями дарят мне чувство безопасности, словно я дома, а не на богом забытой свалке машин.

– Ну как, – тихо спрашивает он, покачивая меня в объятиях. – Чувствуешь фанатскую эйфорию?

Рассмеявшись, я тут же отстраняюсь.

– Слушай, нам ведь еще обратно через него возвращаться. Может, стоило дать ему денег?

– Милая, если дать одному из них хотя бы цент, из всех щелей полезут его друзья.

Мы идем дальше, за поворотом стены из машин виднеется свет огня, разведенного в металлических бочках. Пламя отбрасывает резкие танцующие тени на автомобили, и кажется, что в каждой из них кто-то сидит.

Спустя пару минут мы доходим до самой безопасной части Ямы. В воздухе витает запах травянисто-удушливого дыма, кто-то танцует на крышах и капотах машин, мимо бегают парни со светящимися мечами из «Звездных войн», а еще повсюду разгоряченные целующиеся парочки.

Джин сидит на земле вместе с собравшимися у горячей бочки ребятами. Громко подпевая парню с гитарой, она смеется и, крепко сжав губами сигарету, затягивается и передает ее дальше по кругу. Что ж, она хотя бы больше не плачет.

– Сделай погромче, – просит Джин и подается с заднего сиденья вперед, – это моя любимая песня!

– Это сводка новостей, – Кэм делает звук радио погромче.

– Эй, – Джин треплет его по плечу, – у тебя в машине найдется что пожевать?

– Прости, солнышко, но нет. По пути будет закусочная, заедем туда. Банни, ты голодна?

– Эй, Банни, – Джин хихикает и тычет пальцем мне в щеку, – долго ты будешь делать вид, что тебе не нравится этот умопомрачительный парень, на которого ты пялишься, как только он отводит взгляд на дорогу?

Кэмерон сжимает губы, скрывая улыбку, а я шлепаю Джин по руке.

– Обкуренных не спрашивали. И ни на кого я не пялилась.

– А вот и пялилась, – Джин откидывается обратно и ненадолго затихает. – Прости меня, Энди. – Тихий голос звучит надломленно и подавленно. Настроение Джин резко меняется, словно переключили радиоволну.

– Эй, тебе не за что извиняться.

– Ты была права, – говорит она, сползая по спинке сиденья, а потом и вовсе забирается на него с ногами, чтобы лечь на бок. – Гарри предложил поехать в Яму вместо пижамной вечеринки. Все шло хорошо, а потом пришли две девушки, которые словно сошли с обложки «Плейбоя», и Гарри уехал с ними, бросив мне: «Ну ты же не в обиде, Джини, ты ведь все понимаешь».

Джин переворачивается на спину и, невесело усмехнувшись, прикрывает веки.

– Я только улыбнулась, потому что у меня не было другого выбора, я хочу быть понимающей для него. Хочу быть легкой. Хочу быть той, которая все понимает и прощает, той, к кому он будет приходить, когда плохо. Я злюсь на него, когда он уходит, но когда он рядом, я просто рада тому, что смотрю на него. Мне больно любить его, но ненавидеть еще больнее, потому что если я ненавижу Гарри – это значит, что он не рядом. Головой я понимаю, что ему просто весело проводить со мной время, ему нравится, что я всегда готова отдать ему всю себя без остатка. Но если бы я могла не идти на поводу у своего сердца, Эндс, если бы только могла.

В горле словно встает сухой ком, и, сморгнув слезы, я протягиваю руку и сжимаю ладонь Джин. Не понимаю, как Гарри может так обращаться с ней и не отвечать взаимностью? Она ведь мечта любого парня. Добрая, с хорошим чувством юмора, обожает вечеринки и футбол. А еще Джин – очень красивая. Стройная, высокая блондинка. Когда мы только познакомились, Джин любила себя, а теперь она постоянно сидит на диетах, плачет и полностью зависит от мнения Гарри.

– Давно она так сохнет по нему? – спрашивает Кэм, глядя вслед удаляющейся в сторону общежития Джин.

Она идет, пошатываясь и прижимая ведро жаренных во фритюре крылышек к груди, и оборачивается, взмахивая одним из них, зажатым между пальцев. Улыбнувшись ей, мы с Кэмом машем в ответ.

– Кажется, что целую вечность, – отвечаю я, положив ладони между коленями. – Больно смотреть на нее.

– Гарри знает об этом?

– Конечно, знает.

– Я не о том, Банни, – он барабанит большим пальцем по рулю. – Знает, насколько ей плохо?

– Он не понимает, потому что сам не испытывал такого, у Гарри всегда были проблемы с эмпатией. Моментами мне вообще кажется, что он – не способен чувствовать. Нужно ввести наказание за использование влюбленного в тебя человека.

– Выглядит жутко, – тихо произносит Кэмерон, глядя на горящие окна общежития. – Жутко зависеть от человека и любить кого-то настолько сильно.

– Знаешь, мне страшно от одной лишь мысли, что я когда-нибудь буду испытывать к кому-то нечто подобное.

– Могу тебя понять, потому что это и правда выглядит безысходно. Нужно позвонить всем своим бывшим и еще раз извиниться.

Усмехнувшись, я качаю головой.

– Ты когда-нибудь испытывал что-то похожее?

Он замолкает ненадолго, погружаясь в свои мысли. И мне нравится, что Кэм не отвечает сразу: он действительно размышляет над моим вопросом.

– Нет, никогда.

– Думаю, тебе это и не грозит, – говорю я, и выражение лица Кэмерона тут же принимает удивленный вид. – Ты уже влюблен в себя настолько сильно, что я не уверена, что в твоём сердце найдется место для кого-то еще.

– Разве что для твоих штанов.

Мы невесело усмехаемся, а потом замолкаем, продолжая сидеть в машине перед общежитием Джин, потому что на душе у обоих паршиво настолько, что даже не хочется шевелиться. Странно, но сегодня мне не только нравится говорить с Кэмом, а приятно даже просто молчать рядом с ним.

Не знаю, сколько мы просидели так, но за это время я убедилась в том, что была неправа по отношению к Кэмерону. Я осуждаю Гарри, хотя сама сочиняю небылицы о том, что у меня есть отношения. Я вру человеку, который не сделал мне ничего плохого.

– Кэм? – тихо зову я.

Он откидывается на сиденье и поворачивает голову, его челка спадает на лоб, и мне вдруг до жути хочется прикоснуться и поправить ее своей рукой.

– Нет у меня никакого парня.

– Не может быть, – без тени удивления произносит он, и я толкаю его в плечо. – Кстати, как там Нейт, доехал до дома?

– Да, доехал еще днем...

Стоп, я не говорила ему, что моего парня зовут Нейт, а тем более – о том, что он уехал домой. Резко выпрямляюсь и, раскрыв рот, смотрю Кэму в глаза. Пару долгих секунд он сохраняет серьезное выражение лица, а затем прыскает со смеху.

– Ты еще тогда на парковке знал, что он не мой парень!

– А у кого, ты думаешь, я взял твой номер? Мы с Нейтом вместе ходим на общественное право, он вечно рассказывает о Джин, в которую безответно влюблен давным-давно. И о своей лучшей подруге Энди он тоже говорил не раз.

Рассмеявшись, я закрываю руками пылающее от стыда лицо.

– Какова вероятность того, – я чуть раздвигаю прижатые к глазам пальцы, чтобы взглянуть на Кэма, – что ты согласишься в то, что у Нейта есть плохой брат-близнец, с которым я встречаюсь?

– Черт, Банни, твоя фантазия просто не знает границ.

Подавшись вперед, он поворачивает ключ в замке зажигания, а я едва скрываю свое разочарование от нежелания ехать домой. Несмотря на то, что мне стыдно перед Кэмероном, мне правда понравился этот вечер.

– Покатаемся немного перед сном? Как на это смотришь?

Он будто прочитал мои мысли, но я не хочу показывать свою радость тому, что Кэм тоже не настроен расходиться по домам.

– Куда поедем?

– Давай работать в команде: на каждом перекрестке будем по очереди выбирать направление и посмотрим, куда нас занесет. Только парню своему не говори.

– Пошел ты, Кэмерон.

Он лишь тихо смеется, поворачивая руль.

– Знаешь, – говорю я, поджимая под себя ногу, – я рада, что мы познакомились.

Кэм смотрит на меня с недоверием.

– В чем подвох?

– Ни в чем, – улыбнувшись, пожимаю плечами, – я правда рада.

Приподняв уголки губ, он переводит взгляд на дорогу.

– Я тоже, Банни, я тоже.

Глава 9

*Университет. Уличный кафетерий.
20.02.18. День.*

Погода сегодня солнечная, поэтому мы решаем выбраться из кафетерия на улицу. На подносе Джини теперь не диетические продукты, сегодня она взяла два куска пиццы и молочный коктейль вместо воды: так она отмечает преодоление своей зависимости от мнения Гарри.

– Ты только посмотри на это, – поморщив нос, она указывает на целующихся Шанталь и Стива. – Он сейчас ее съест.

– Его рука у нее в джинсах почти по локоть, – говорю я, не отрывая взгляда от сладкой парочки, а затем делаю глоток апельсинового сока.

– Снимите номер! – кричит им Джин, но ребята нас даже не слышат.

Наверное, у каждого в кругу знакомых есть такая пара, которая не отлипает друг от друга ни на секунду, они вечно обнимаются и целуются, очень редко прерываясь на короткие разговоры, а иногда даже и разговаривают целуясь.

Поглядывая на них, делаю тяжелый вздох. Я даже немного завидую Шанталь, она чувствует себя расслабленно в объятиях парня, да и сама проявляет инициативу, осыпая любимого поцелуями. Неужели она и правда не думает о том, что будет с их отношениями дальше? Ведь в любой момент все может пойти не так, и всегда веселой и счастливой Шанталь жизнь станет не мила.

– Как думаешь, – тихо спрашиваю я, глядя на ребят, – они боятся того, что могут расстаться?

– Все пары боятся этого, Энди.

– Тогда не понимаю, стоит ли пара минут счастья будущих истерик и разбитого сердца?

– Не все ведь расстанутся. Не хочу приводить их в пример, но даже секунда этого, – поморщив нос, она указывает пальцем на приторную парочку, – бесценна. Когда ты любишь, а тем более когда видишь, что это взаимно, то чувствуешь, что начинаешь жить. А если тебе разбивают сердце, это значит, что до этого кто-то заставил его биться, понимаешь? Говорят, что за счастье нужно платить, и, поверь, Эндс, это стоит любой боли.

Все еще обдумываю слова Джин, когда мимо ванильной парочки проходит Зейн. Не знаю, что руководит мной, но я набираюсь смелости и окликаю его. Прижав телефон к уху, он

разговаривает на повышенных тонах и совсем не слышит меня, поэтому я набираю в легкие побольше воздуха и снова зову его.

Мы с Кэмом не виделись с той самой ночи, когда отвезли Джин домой после Ямы, а потом катались до тех пор, пока я не стала засыпать в машине. Прошло уже четыре дня, а от него нет вестей, и я начинаю думать, что сделала что-то не так. Я даже набралась смелости и решила позвонить ему, но телефон был выключен. И тогда я почувствовала себя навязчивой, глупой и отвергнутой. Кэм намекнул, что я ему нравлюсь, но как только я решила быть с ним честной и даже сказала, что рада нашему знакомству, он вдруг испарился. Когда кто-то исчезает без объяснений, у меня начинается паника. Мне нужны ответы.

Остановившись, Зейн оглядывается по сторонам, пытается понять, кто его позвал. Медленно поднимая ладонь, и Зейну требуется несколько секунд на то, чтобы узнать меня. Прикусив губу, я смотрю на него, не в силах задать простейший вопрос. Он взмахивает рукой, потирая меня жестом.

– Ты случайно не знаешь, где Кэмерон?

– погоди, – просит он, обращаясь к кому-то на другом конце трубки. – Его нет в городе, придет сегодня вечером. Передать ему что-то?

– Да, передай ему, пожалуйста, что я хочу вернуть то, что он одолжил мне недавно.

– Кэм, – произносит Зейн в трубку. – Тут сестра бывшей Чендлера хочет вернуть тебе что-то.

Не думала, что мое сообщение передадут настолько быстро! Зейн замолкает, слушая ответ, а потом усмехается.

– Пошел ты, не буду я этого говорить, – отвечает он в трубку, а затем смотрит на меня. – Короче, заходи к нам сегодня вечером.

– В «Скетч»?

– Домой, он скинет адрес.

Не успеваю ответить, как Зейн машет рукой на прощание и уходит, но затем оборачивается, продолжая идти и слушая следующие слова Кэмерона.

– Банни, – я невольно вздрагиваю, слыша это прозвище не из уст Кэма. – Он очень ждет встречи с тобой.

Я растерянно киваю и чувствую, как мои губы сами расплываются в глупой улыбке, но как только Зейн уходит, меня вдруг приводит в себя сильный толчок в бок.

– Что у тебя с Кэмом?

– Ничего, – отвечаю я, потирая бок. – Мы просто общаемся.

– Просто общаетесь, – повторяет Джин с недоверием. – С Кэмероном? Просто общаетесь?

– Но так и есть, – пожав плечами, я беру сэндвич. – Пока сама не знаю, что это.

– Так вот к чему были вопросы о любви, да?

Аппетит вдруг пропадает и, положив сэндвич обратно, я отодвигаю поднос.

– Прошу, давай не будем, меня пугает сама мысль об этом разговоре.

Кто-то подходит к нам сзади, и на глаза Джин опускаются чьи-то ладони; мне хватает мелькнувшего блеска часов на запястье, чтобы понять, что это Гарри. Щеки Джин тут же бледнеют. Уверена, она узнала его по одному лишь аромату парфюма. С той ночи, когда Гарри оставил Джин одну в Яме, мы не разговаривали о нем. Его имя теперь под запретом.

– Угадай, кто?

– Не хочу, – с показной брезгливостью скинув с себя его ладони, Джин принимается за второй кусок пиццы.

Гарри тяжело вздыхает и садится рядом.

– Ну, в чем дело?

– Ни в чем, – пожав плечами, Джин откладывает пиццу и вытирает губы салфеткой. – Все в полном порядке, не считая того, что ты оставил меня в Яме одну.

– Насколько я помню, я предложил тебя подвезти. Ты отказалась.

– Я должна была ехать с теми девушками в одной машине? – Джин складывает руки на груди. – Черт, я просто поверить не могу, что ты действительно оставил меня там одну.

Поджав губы, Гарри молчит, и на секунду мне даже кажется, что ему стыдно. Он переводит взгляд на меня, словно ищет поддержки.

– Ну, только ты на меня так не смотри, Уолш.

– А как я на тебя смотрю?

– Будто ненавидишь.

– Будто? – с удивлением переспрашиваю я.

– Хорошо, – вздохнув, он опускает руки на стол и, сцепив пальцы в замок, переводит взгляд на Джин, – давайте по порядку. Я предложил подвезти тебя до дома, ты отказалась, сказала, что хочешь остаться. В чем моя вина, Джин? Если ты чего-то хочешь, то нужно говорить об этом прямо. Прости, но я не телепат, а особенно плохо мне удастся читать мысли, когда я выпил.

Отлично, он еще и пытается сделать ее виноватой.

– Мы приехали вместе, – говорит она и опускает взгляд. – А ты взял и уехал с ними.

– Знаешь, когда друзья приезжают вместе на вечеринку, часто случается так, что они уезжают поодиночке. Прости, что так вышло, но сейчас ты говоришь как моя обиженная девушка, но это далеко не так: мы друзья, Джини.

– Я помню, кто мы друг другу, – тихо отвечает она.

Стиснув зубы, я сжимаю кулаки от злости. Все мышцы в теле напрягаются, и моя рука сама тянется к яблоку, которое я собираюсь запустить в голову Гарри, но мое внимание привлекает Нейт, который стремительно направляется к нам. Даже издали видно, как крепко он сжимает кулаки.

– Джин, – обеспокоенно зову я, – Нейт знает о том, что Гарри бросил тебя в Яме?

– Не помню... Да, кажется, я звонила ему в тот вечер.

– Гарри, шел бы ты сейчас куда-нибудь, срочно.

– Ну уж нет, – усмехнувшись, он разворачивается. – Сейчас начнется самое интересное.

Потемневший взгляд Нейта впирается в спину Гарри, и если бы взглядом можно было убивать, тот был бы уничтожен в ту же секунду.

– Как дела, Гарри? – спрашивает Нейт, останавливаясь у стола.

– Знаешь, довольно неплохо, я бы даже сказал, что прекрасно.

Натянув улыбку, Нейт отводит взгляд и кивает, а затем вдруг замахивается и бьет Гарри по лицу, так что я вижу, как кулак сначала оказывается в воздухе, а затем с глухим звуком встречает челюсть.

Джини взвизгивает и подскакивает, а я следом за ней. Гарри усмехается. Сплюнув, он потирает челюсть и смотрит на Нейта так, будто его ударил младший братишка, который впервые показал «класс». Самое печальное – что Гарри действительно забавляет происходящее.

– Отличный удар, Нейти.

На лбу Нейта вздувается вена, челюсти сжаты так плотно, что я боюсь, как бы он не раскрошил зубы. Схватив Гарри за воротник футболки, он наклоняется к его лицу вплотную, а затем хорошенько встряхивает, будто пытаюсь отрезвить.

– Мало того, что ты бросил ее в Яме одну, так ты еще и оставил ее под наркотой. Что ты вообще творишь?!

Наконец-то на лице Гарри появляются настоящие эмоции, а надменный взгляд постепенно исчезает. Раскрыв рот, он качает головой.

– Только не говори, что не знал.

– Я не... Черт, Джини, я же просил тебя не принимать там ничего.

Шагнув вперед, Джин с силой толкает Нейта в грудь. Кажется, он настолько удивлен ее реакцией, что поддается и, глупо моргая, отходит назад.

На нас обращены абсолютно все взгляды вокруг, и у меня в голове почему-то возникает картинка того, какими мы были, когда только познакомились. Мы так же собирались вчетвером за этим столом, только тогда мы улыбались, а сейчас смотрим, как один из нас бьет лицо другому.

– Он тут ни при чем! – кричит Джин, снова толкая Нейта, но в этот раз он не двигается с места. – Я накурилась после того, как он ушел!

– Говори об этом погромче, – прошу я, оглядываясь по сторонам. – Наверное, декан еще не расслышал.

Сейчас Джин явно не в себе. Худая и бледная, она вся трясется, а в покрасневших глазах застыли слезы.

– Ты никакая звонишь мне посреди ночи и плачешь из-за того, что Гарри оставил тебя в Яме одну. Я был в другом городе, Джин, ты хоть понимаешь, насколько беспомощно я себя почувствовал? Ты сказала, что Энди едет, чтобы забрать тебя оттуда, и я понял, что теперь вы вдвоем будете там одни посреди ночи. С тех пор я думал лишь об одном: смогу ли остановиться, когда ударю его.

– Во-первых, мы с Энди не были там вдвоем, она приехала с Кэмероном. Во-вторых, это все еще не дает тебе права бить людей.

– Я не знал, что она накурилась, – опутив ресницы, Гарри поправляет помятый воротник футболки. – Я был неправ и не должен был оставлять ее там. Прости меня, Джин, такого больше не повторится.

– Все нормально, – крепко зажмурившись, она потирает переносицу, а затем указывает на его покрасневшую щеку. – Тебе нужно приложить что-то холодное.

Сухо рассмеявшись, Нейт разводит руки в стороны

– Все нормально? Ты сейчас серьезно? Черт, Эндс, ну хоть ты скажи ей!

Прикусив губу, я опускаю взгляд, потому что не могу снова разбить сердце Джин. Она и так сломана всем, что сказал ей Гарри, и я не буду тем, кто сделает последний выстрел. К тому же она и так знает мое мнение.

– Знаешь, – Джин щурится, глядя на Нейта, – я была неправа, когда позвонила тебе, не стоило этого делать.

– Он лишь заботился о тебе, – осторожно напоминаю я.

– Меня душит его забота.

– Может, и я сам тебя душу?

– Может, и так. Мне не нужны ни твоя забота, ни твоя жалость, ни твои чувства, потому что я никогда не смогу ответить на них взаимностью.

Осознав, что только что сказала, Джин резко замолкает. Тяжело сглотнув, она вздергивает подбородок: по-прежнему считает себя правой, да к тому же жертвой.

Сжав челюсть, Нейт коротко кивает. Между нами повисает оглушающая тишина, а все вокруг смотрят на нас, будто мы – актеры дешевого реалити-шоу, и только изредка тихо перешептываются. Время словно замирает на несколько ужасных секунд, и я до невозможности сильно хочу, чтобы этот ужасный день просто закончился.

– Даже не вздумай прибегать ко мне за поддержкой, когда он кинет тебя в очередной раз.

– И не подумай!

Нейт лишь отмахивается и уходит. Всхлипнув, Джин топает ногой то ли от злости, то ли от сожаления и, развернувшись, убегает в другую сторону.

– Можете расходиться, – обращается Гарри к нашим зрителям. – Конец серии.

– Хочешь спойлер? – бросаю я, подхватывая сумку со скамейки. – Ты ублюдок.

– Ох, Уолш, ты серьезно?

Гарри идет следом, и я прибавляю шаг, чтобы поскорее избавиться от него.

– Я не знал, что она накурится.

– Если после всего, что сейчас было, ты думаешь, что дело только в паре затяжек, то мне жаль, что мы с тобой были друзьями.

Обхватив мое запястье, Гарри резко останавливает меня и разворачивает к себе. Его покрасневшая челюсть завтра опухнет, и – не хотелось бы признаваться – мне приятно видеть след от удара. Кто-то рано или поздно должен был врезать Гарри, потому что все, что он делает в последнее время – ведет себя как последняя сволочь.

– Были друзьями?

– Посмотри, что с нами стало, – я киваю в сторону стола, за которым мы все только что кричали друг на друга. – Ты используешь Джин в своих интересах, кидаешь, когда тебе удобно. А потом приходишь и просто извиняешься за то, что разбил ей сердце. И так по кругу, бесконечное количество раз.

– Она то же самое делает с Нейтом, разве что не спит с ним. Так, – прикусив губу, он делает паузу, – может, мы с ней не такие уж и разные?

– Я не хочу этого слышать, – качнув головой, я разворачиваюсь, чтобы уйти, но Гарри лишь сильнее сжимает мое запястье. – И не хочу говорить об этом. Отпусти, я опаздываю на лекцию.

– Значит, ты была в Яме вместе с Кэмом. Все-таки, подружились?

– Пожалуйста, только не делай вид, что тебя это заботит, потому что единственное, что волнует тебя в этой жизни – это ты сам.

Он молчит какое-то время, а затем медленно отпускает мою руку.

– Ты так сильно ошибаешься, Уолш.

Эти слова заставляют меня невесело рассмеяться, потому что я не верю им ни на йоту. Кажется, что времена, когда мы могли беззаботно зависать вчетвером целыми сутками, больше не вернутся; сейчас мне вообще мало верится в то, что это было правдой.

Квартира Кэма.

20.02.18. Вечер.

Я сжимаю в руках темную толстовку Кэмерона и топчусь у двери в его квартиру уже около двух минут. Это ведь не выглядит так, будто я навязалась? Он не звонил эти дни, а я... А я все это время только и делала, что думала о нем. Не понимаю, что со мной происходит. Если бы мне пару недель назад сказали, что я сама приду к парню, да еще и прямо домой, то я бы не поверила. Но после сегодняшней ссоры я поймала себя на мысли, что хочу рассказать об этом Кэму и узнать его мнение. Даже хочется услышать любую его глупую шутку и хоть ненадолго отвлечься от проблем.

Отбросив навязчивые мысли, делаю глубокий вздох и стучусь в дверь. Она тут же открывается, и на пороге появляется Зейн. Меня так удивляет его вид, что я усмехаюсь. На его носу круглые очки в черной оправе, а в руке он держит раскрытую книгу по психологии – правда, перевернутую вверх ногами.

– А, это ты, – с разочарованием произносит он.

– Я тоже очень рада тебя видеть.

Ничего не ответив, он открывает дверь шире. Меня встречает уютная гостиная с приглушенным светом, кухня от нее отделяется лишь барной стойкой. Прямо из гостиной с разных сторон расположены двери, которые ведут, как я подозреваю, в комнаты мальчиков.

– Кэми! – выкрикивает Зейн, швыряя книгу и очки на стол. – Сестра бывшей Чендлера здесь.

Дверь слева открывается, и из-за нее торопливо выходит Кэмерон. По пути он надевает футболку, а я успеваю заметить несколько татуировок на его груди и косые мышцы живота, уходящие под пояс джинсов, неприлично низко сидящих на бедрах. Пробежавшись пальцами по влажным после душа волосам, Кэм подходит ближе, и до меня доносится аромат ментолового геля для душа.

– Привет, Банни, – с улыбкой произносит он.

– Я тут тебе принесла.

Протягиваю ему толстовку, на что Кэм тут же закатывает глаза и, забрав ее, небрежно бросает на диван.

– Я надеялся, что ты ее забудешь: тогда тебе пришлось бы прийти еще раз.

– Я всегда могу взять что-нибудь еще из твоих вещей.

– Можешь взять Зейна и не возвращать.

– Не смешно, – плюнув на пальцы, Зейн с шелестом перелистывает страницу книги.

– Он не в настроении, – поясняет Кэм. – Потому что девушка, которую он клеит, кажется, кинула его. Люси – умная и начитанная, работает в библиотеке, и только благодаря ей я чуть ли не впервые в жизни вижу своего лучшего друга с книгой в руках.

– Заткнись там.

– Да брось, она не придет... Достоевский, слезь со стола! – Кэм взмахивает рукой, прогоняя с журнального столика черного пушистого кота. До невозможности толстый кот неуклюже спрыгивает на пол, оставляя недоеденную пищу.

– Достоевский?

– Это его имя на этой неделе, – поясняет Кэмерон, – Зейн делает вид, что любит классику, пока подкатывает к Люси. На прошлой неделе Достоевского звали Генрих Восьмой, потому что ему попала фанатка сериала «Тюдоры».

– А как его звали изначально?

Парни обмениваются озадаченными взглядами, и мне становится понятно, что они уже не помнят.

– Он милый, – присев на корточки, почесываю кота за ухом.

– Ничего подобного, – отзывается Зейн. – Эгоистичный, злобный монстр, как и моя бывшая. Эта ведьма подбросила мне его, сбежала и даже не думает скинуться на корм или наполнитель для лотка.

– Не переживай, милый, – говорит Кэм. – Мы и сами отлично справляемся, ты же знаешь, мы хорошие родители.

Хмыкнув, Зейн смотрит на часы и поднимается из-за стола.

– Вспомнил эту стерву и сразу выпить захотелось, – отмахнувшись, он подхватывает куртку. – Если придет Люси, скажите, что я в баре, посижу пока с Майком.

– Только не натворите глупостей.

– Кто бы говорил, – усмехнувшись, он взмахивает рукой. – Я ушел, буду поздно и пьяный.

Когда за ним закрывается дверь, я снова начинаю задумываться, стоило ли мне вообще приходить. В квартире тихо настолько, что я слышу, как тикают часы в соседней комнате. Это ведь парень должен проявлять инициативу, а Кэм даже не удосуживается начать разговор. Скрестив руки на груди, он наблюдает за мной, приподняв уголки губ, так что мне начинает

казаться, что он просто не знает, как попросить меня уйти. Или... Боже, а если он подумал, что я пришла сюда заняться с ним сексом?

Язык липнет к нёбу, в горле пересыхает, и мне жутко хочется выбежать на улицу и вдохнуть свежий воздух.

– Ладно, я, наверное, тоже пойду, – говорю я, пожав плечами, и направляюсь через кухню к выходу.

По пути я натыкаюсь спиной в стул – и он с грохотом падает. Поднимая его, задеваю локтем кружку с недопитым кофе. Она падает со столешницы и со звоном катится под стол, оставляя за собой темные капли.

– Вот же черт! – шиплю я и, присев на корточки, лезу под стол. Кружка целая, но ручка все же откололась. – Прости, мне так неловко.

– Все нормально, Энди, ты всегда волнуешься, когда остаешься со мной наедине. Зейн будет тебе благодарен: он все равно ненавидел эту кружку.

– О нет, только не говори, что это его, – издав недовольный стон, я вылезаю из-под столешницы, вдобавок ко всему ударившись о нее головой. – Он и так меня недолюбливает, а я еще и порчу его вещи.

– Он всех недолюбливает, это его перманентное состояние.

Верчу кружку в руках, рассматривая фотографию на ней: красивая брюнетка в объятиях Зейна. На этом снимке у него такая широкая улыбка, что начинает казаться, что это фотошоп. Ни разу не видела, чтобы Зейн улыбался.

– Нам ведь не обязательно, – опустив кружку на стол, снова пячусь, но в этот раз уже оглядываюсь, чтобы не снести еще что-нибудь, например, несущую стену или дверь, – говорить ему, что ее разбила я?

– Можем свалить все на Достоевского.

Натянув улыбку, я взмахиваю рукой, зная, что выгляжу полной идиоткой.

– Что ж, тогда пока. Спасибо, что одолжил толстовку.

– Прогуляешься со мной?

Кэм спрашивает это так просто, что я замираю. Ну почему я не могу вести себя так же непринужденно?

– Пожалуйста, Банни, мне будет приятно, если ты составишь мне компанию. Но даже если ты откажешь, я в любом случае провожу тебя до общежития.

– Я... Да, знаешь, я не против прогулки.

Прикусив губу, Кэм усмехается, и я даже не хочу знать, почему практически любая моя фраза так смешит его.

– Прости, что не звонил эти дни: был очень занят.

– Зейн сказал, что тебя не было в городе.

Носком кроссовка Кэмерон легонько пинает камень под ногами.

– М-хм, уезжал по работе.

– Тату-мастер на выезде?

– Да-а, – протягивает он, взъерошивая свои волосы, – вроде того.

Мы проходим несколько шагов, и я пинаю камень, который Кэмерон отправил вперед несколько секунд назад, а еще через пару шагов он делает то же самое. Мы так и идем, молча играя в ленивый футбол.

Я чувствую, что Кэм в этот раз что-то не договаривает, но долго не решаюсь высказать свое предположение вслух.

– А кто такой Майк?

Кэм с удивлением поворачивает голову и даже упускает камень, который мы пинали половину дороги.

– С чего вдруг такой вопрос?

– Я уже не первый раз слышу его имя, вот и стало интересно.

– Наш с Зейном друг детства. Раньше Майк работал вместе с нами в «Скетче», но в прошлом году ему пришлось уехать по семейным обстоятельствам.

– Та вечеринка, когда ты одолжил мне толстовку...

– Не напомним, это, случайно, не тот раз, когда ты искала новые впечатления в унитазе?

Рассмеявшись, я толкаю его локтем.

– В тот вечер ты не выглядел радостным от новости, что друг твоего детства вернулся в город.

– У нас произошел небольшой конфликт перед его отъездом, мы так и не решили этот вопрос, поэтому – да, я был скорее удивлен, нежели обрадован.

– А сейчас между вами все нормально?

– Да, мы все уладили, – улыбнувшись, Кэм закидывает руку на мое плечо. – Как там Джин и ее неразделенная любовь к Гарри?

Он резко меняет тему разговора, явно не желая больше говорить о Майке. Ладно, отложу вопросы на потом.

– Мне нужно выпить, чтобы рассказывать о таком.

– Не проблема, Банни, тут неподалеку есть отличный бар.

Он тянет меня за руку, но я отдергиваю ладонь и останавливаюсь. Кэм смотрит на меня вопросительно, пока я, сжав рукава своей джинсовой куртки, набираюсь смелости, чтобы сказать то, что меня беспокоит уже несколько дней.

– Слушай, не знаю, как это прозвучит, – говорю я, прикусив губу и постукивая пяткой. – Но, прошу, не исчезай так больше. У меня бзик на теме игнора.

Задерживаю дыхание, готовясь услышать очередную шутку или смех, но Кэмерон молчит, внимательно рассматривая мое лицо. Он кивает, а затем протягивает руку. Помедлив в нерешительности, я осторожно кладу пальцы в его ладонь, и, когда он легонько сжимает ее, мое сердце начинает биться чаще, а внутри словно разливается тепло.

Бар и правда оказался рядом. Одноэтажное здание, пестрящее неоновыми огнями, одиноко примостилось вдоль дороги. У дверей стоит влюбленная парочка. Целуясь, они издают громкие чавкающие звуки, от которых у меня сводит зубы и хочется закатить глаза.

Кэмерон открывает передо мной дверь, пропуская в зал. В нос ударяют запахи черного кофе и пива. На стенах висят гоночные флаги, по плазме над барной стойкой крутят клипы из девяностых, а девушка за баром вытирает липкие пятна, оставшиеся на гладкой стойке по наследству от предыдущих гостей.

Мы присаживаемся за столик у окна, и я собираюсь вкратце рассказать Кэму о событиях сегодняшнего дня, но у меня выходит длинный монолог с излишними подробностями и личными переживаниями.

– Так значит, – Кэмерон делает глоток темного пива из бутылки, – Джин в очередной раз простила Гарри, а виноват во всем оказался Нейт. Вот это драма.

– Прости, – вздохнув, я подпираю подбородок рукой, – знаю, что тебе не очень интересно слушать о моих проблемах.

– Все нормально, Банни. Мне интересно абсолютно все, что ты рассказываешь.

– Почему? – я прижимаю губы к горлышку бутылки, а Кэм вскидывает брови. – Знаю, что вопрос глупый, но мы с тобой и раньше сталкивались, и ты никогда прежде не проявлял ко мне интереса.

Кэмерон отставляет пиво и, опустив локти на стол, подается чуть ближе.

– Знаешь, в этом огромном мире я ненавижу только четыре вещи: платные парковки, мармеладных мишек и оранжевый цвет.

– Ты не назвал четвертое, – говорю я, глядя на три поднятых вверх пальца.

– Больше, чем три предыдущих пункта, я ненавижу вопрос «Почему?». Причин может быть тысяча.

– Например?

– Например, вдруг ты всегда плохо выглядела до той встречи в «Скетче»?

– Не ври, в тот день я выглядела ужасно. Ненакрашенная, с растрепанными волосами и в дурацких пижамных штанах. Так что вряд ли я могла выглядеть хуже когда-либо, чем в тот день.

– Значит, судьба сделала ставку именно на тот день. Хотя она поставила ее немного раньше, когда Келси перепила бурбона и набила на животе имя «Чендлер». Думаю, в тот день и включился наш таймер.

Барабания ногтями по краю бутылки, я прикусываю губу, пытаюсь спрятать глупую улыбку.

– Ты веришь в судьбу?

– Ну, ты же сидишь передо мной, Банни. Значит, верю. Возможно, раньше у меня голова была забита другим, и я просто не обращал на тебя внимания.

– Наверное, ты хотел сказать, что твоя голова была забита другими девушками?

Кэмерон замирает, прижав горлышко бутылки к губам.

– Скажи спасибо, что не парнями.

– Спасибо, что подкатываешь ко мне, а не к какому-нибудь парню, Кэм.

– Ты была инициатором нашей сегодняшней встречи, даже зашла за мной прямо в квартиру, так что, – пожимает он плечами, – это ты ко мне подкатываешь.

– Ты же сам через Зейна попросил зайти!

Он смеется, и я невольно смеюсь в ответ. Наш диалог до невозможности глуп, но нам обоим это нравится.

– Я вообще пришла только потому, что хочу дружить с тобой, и ничего больше.

– Прости, я сейчас ослышался, или ты сказала «дружить»?

Я киваю, и Кэмерон морщит нос, будто ему показали документальный фильм о родах крупным планом.

– Знаешь, Банни, порой мне кажется, что ты появилась в моей жизни только для того, чтобы понизить мою самооценку. Ну ладно, подруга, – он делает акцент на последнем слове, – будем играть по твоим правилам. Дружба – так дружба.

Не хочу признаваться в этом даже самой себе, но меня расстраивает то, что Кэм так быстро согласился на это.

– Ты красивая, – вдруг произносит он, откинувшись на спинку стула. – И часто говоришь нелепые вещи – это забавно. После каждого нашего разговора ты краснеешь и быстро убегаешь, оставляя у меня в голове много вопросов. И это заставляет все чаще думать о тебе.

Кэмерон вертит бутылку в пальцах, а потом поднимает взгляд, и на его лице появляется улыбка.

– Тогда на парковке, помнишь?

Издав недовольный стон, закрываю глаза ладонью.

– Нет, пожалуйста, не напоминай.

– И в прачечной.

– Перестань.

– Но друзья всегда напоминают о позорных моментах друг друга.

– Кажется, я больше не хочу дружить с тобой.

Рядом с нашим столиком останавливаются две девушки: одна стоит чуть подале, а вторая подходит вплотную. Настолько близко, что вот-вот сядет Кэму на колени.

– Тесса, – улыбнувшись, он кивает. – Как нога?

– Порядок, почти зажила.

Ни секунды не смущаясь, Тесса задирает край джинсовой юбки, обнажая загорелое бедро с татуировкой в виде карты Джокера.

– Вижу, – протянув руку, Кэм пробегается кончиками пальцев по поверхности рисунка. – Уже придумала, что будем бить следующим?

Кивнув, Тесса перебрасывает длинные волосы с одного плеча на другое и наклоняется, чтобы прошептать ему что-то на ухо. Выслушав ее, Кэм округляет глаза, а затем издает смешок.

Сколько девушек за день он так лапает, пока рисует на них? Это... Неприятно? Абсолютно точно неприятно.

Девушки уходят, и, натянув улыбку, я машу им на прощание, хотя они даже не обратили на меня внимания. Поджав губы, перевожу взгляд на Кэма, на что он, слабо улыбнувшись, потирает шею.

– Это часть моей работы.

– Она только что светила трусами на весь бар только для того, чтобы показать тебе свою ногу.

– Знаю, – усмехнувшись, он потирает переносицу. – Прости, вышло некрасиво.

– Все нормально, мы ведь друзья, так? – пожав плечами, пытаюсь соорудить непринужденный вид. – Так что можешь заглянуть под юбку каждой встречной клиентке, я и слова не скажу.

– В свою защиту могу сказать, что меня совершенно не интересовали ее трусы и то, что было под ними. Я оценивал свою работу, но никак не ее ноги.

– Можно, – прикусив губу, я отрываю этикетку с бутылки, чтобы занять чем-нибудь руки, – мы больше не будем говорить ни о чьих трусах?

– Понял, – он вскидывает ладони, – вычеркиваем трусы из списка актуальных дружественных тем.

Дверь за спиной Кэмерона раскрывается, и в бар заходит Зейн, а следом за ним еще один парень. Невысокий, широкоплечий, коротко стриженные темные волосы, руки обвиты узором в виде колючей проволоки. Подозреваю, что это и есть тот самый загадочный Майк. Выглядит он совсем не устрашающе, а вполне обычно. Меня больше напугала Тесса и ее готовность показывать нижнее белье.

Проследив за моим взглядом, Кэм оборачивается, а затем тихо чертыхается.

– Банни, посиди секунду, я сейчас.

Кэмерон подходит к ребятам, устроившимся за барной стойкой. Музыка мешает расслышать, о чем они говорят, до меня лишь доносятся обрывки фраз, и единственное, что я четко слышу – это: «Неужели вы, идиоты, не могли выбрать другой бар?».

– Все нормально? – спрашиваю я, когда Кэм возвращается.

– Не совсем, – натянуто улыбнувшись, он бросает на стол пару купюр. – Нам лучше пойти: сейчас начнется шоу провокаций, и я не хочу втягивать тебя в это.

– Какого черта? – доносится со стороны бара. Майк хлопает ладонью по стойке, и девушка за баром вздрагивает. – Ты же знаешь меня, Руби, так что обслуживай или зови сюда своих братьев, чтобы я с ними поговорил.

– Майку здесь не очень-то рады, – поясняет Кэмерон, протягивая мне руку.

– Может, потому, что он не очень-то приветлив, – тихо говорю я, поднимаясь.

Руби скрывается в подсобке, и в этот момент люди в баре начинают потихоньку вставать и выходить друг за другом. Это напоминает какую-то глупую постановку, словно их всех заранее попросили об этом, а меня забыли предупредить.

Через несколько секунд из подсобки выходят сразу три невысоких парня. Они до комичного похожи между собой даже в одежде: кожаные куртки и черные поло, темные волосы с большим количеством геля и смуглая кожа – такая же, как и у Руби.

– Только посмотрите на это, – выходя в середину зала, один из них звонко хлопает в ладоши, глядя на Майка, – впервые вижу такого отчаянного самоубийцу. Добро пожаловать домой, крысеныш. Мы скучали.

Перегнувшись через стойку, Майк достает бутылку виски и два шота, которые тут же наполняет.

– Спасибо, я вернулся только для того, чтобы поразвлечься с вашей матерью. Кстати, она еще жива?

– Ну, понеслась, – устало выдыхает Кэм. – Зейн!

Тот оборачивается и, мельком взглянув на меня, тут же кивает. Опустив пальцы в карман, он достает связку ключей и бросает в нашу сторону.

– Ты умеешь водить? – спрашивает Кэмерон, опуская ключи с брелоком в мою ладонь.

– Не совсем, я провалила экзамен по вождению.

– Послушай меня внимательно, – протянув руки, он обхватывает мои щеки ладонями, – на улице стоит черная ауди, это машина Зейна, садись в нее, заблокируй двери и подожди меня там, хорошо?

Я лишь растерянно киваю. Кэм наклоняется ближе, и я ощущаю мимолетное прикосновение его теплых губ на своей щеке. Сжав ключи, иду в сторону выхода, то и дело оборачиваясь. Кэмерон пристально следит за мной, словно я собираюсь остаться в баре и выяснять отношения с тремя одинаковыми итальянцами.

– Может, вы двое объясните, какого черта здесь делает Майк?

– Конечно. И вау, – Кэм указывает на одинаковую одежду итальянцев, – прости, я не читаю «Космополитен», поэтому немного не в курсе: бойз-бэнды снова в моде?

Выхожу на вечерний прохладный воздух и нажимаю кнопку на брелоке, снимая блокировку с дверей машины. Но что-то внутри не дает мне сдвинуться с места. Прикусив губу, я постукиваю пяткой, наблюдая за тем, как люди расходятся подальше отсюда. Видимо, такое здесь не в первый раз, потому что гости бара не напуганы, а, скорее, увидели нечто будничное и неприятное, словно переключали каналы и наткнулись на дрянную передачу.

Из бара доносится звон стекла. Следом раздается ужасный грохот. Прикрыв глаза, делаю глубокий вздох и, крепко сжав ключи в кулаке, протягиваю руку и открываю дверь, заглядывая в бар.

Когда вижу, как Кэмерон едва успевает увернуться от летящего стула, я вдруг понимаю, что сейчас все всерьез, и меня охватывает страх – за него и за себя. Майк прижал одного из итальянцев к деревянной балке посреди зала и, сжав кулак под его носом, говорит что-то на ухо, после чего тот рычит и, словно обретя второе дыхание, валит Майка на пол. Зейн гремит с одним из троих прямо за барной стойкой: он отталкивает от себя итальянца, и тот врывается спиной в зеркальные полки с подсветкой. На пол со звоном летят полупустые бутылки с текилой и сиропами.

Отвлечшись на грохот, Кэм поворачивает голову, чтобы убедиться, что с Зейном все в порядке, и в этот момент ему прилетает удар в живот. Я едва сдерживаю крик, видя, как Кэм сгибается пополам, и его валят на пол.

Не успев подумать, бросаюсь к столу, чтобы схватить недопитую бутылку пива. До боли сжимаю пальцами стеклянное горлышко и, крепко зажмурившись, с размаху бью по голове склонившегося над Кэмом парня. Я ожидаю звука разбитого стекла, но слышу лишь гулкий

стук. Медленно открываю глаза: бутылка из темного стекла цела, как и парень, которого я ударила. На секунду у меня мелькает мысль, что я промахнулась, но ведь я точно знаю, что ударила его. Кэмерон, прижатый к полу, смотрит на меня широко раскрытыми глазами. Он даже не пытается вырваться из хватки врага, просто неподвижно лежит и, тяжело дыша, смотрит на меня так, словно видит впервые в жизни.

Тряхнув головой, склонившийся над Кэмом парень, медленно оборачивается. Его ноздри тяжело раздуваются, и на долю секунды в разъяренных глазах мелькает удивление, когда он видит перед собой девушку, но его растерянность скоро проходит. На его лбу пульсирует вена, от вида которой мои внутренности словно покрываются льдом.

– Простите? – скорее спрашиваю я, пока пячусь к выходу.

Бутылка выскальзывает из моих трясущихся пальцев и, ударившись о пол, она тут же разбивается.

Боковым зрением вижу, что драка за баром продолжается, но мое внимание привлекают лишь глаза моего противника, его гневный взгляд. Разъяренно рыкнув, он подскакивает и направляется в мою сторону.

Кэмерон также резко поднимается и, схватив ближайший стул за спинку, притягивает его к себе. Согнув ногу в колене, он пинает стул, и тот, проехав по полу, сбивает с ног настигающего меня парня. Он падает на колени, и тут же подоспевший Кэмерон ударяет его по лицу. У нас остается всего двое противников.

Тяжело дыша, Кэм встряхивает кистью и, мотнув головой, смахивает спадающие на лоб волосы.

– Отличная попытка, Банни, но я вроде попросил тебя сесть в машину.

– Я... Я забыла свое пиво.

Подняв голову, Кэм растерянно смотрит на меня несколько долгих секунд, а затем смеется.

Зейн швыряет одного из парней под стол и, пнув его напоследок, идет на помощь к Майку. На несколько секунд в баре становится тихо, а затем слышатся стоны и крик лежащих на полу парней.

– Валим! – бросает Зейн, проносясь мимо нас.

Схватив меня за руку, Кэм направляется в сторону выхода.

– У кого ключи? – спрашивает Майк, подбегая к машине.

Только сейчас замечаю, что я до сих пор крепко сжимаю связку с брелоком, а ребристые края больно впиваются в кожу, оставляя багровые ямки. Майк вскидывает руку, и я подбрасываю ему ключи, но промахиваюсь. Связка, брякнув, приземляется на землю в полуметре от его ног.

– Впечатляюще, – выдыхает он, наклоняясь.

Не замечаю, как оказываюсь на заднем сиденье вместе с Кэмом. Зейн хлопает дверцей, усаживаясь на место возле водителя. Майк садится за руль, и автомобиль с визгом срывается с места, оставляя за собой облако гравийной пыли. Мы едем в полной тишине около минуты, и я только сейчас начинаю осознавать, что вся эта драка, казавшаяся мне невероятно затянутой, произошла буквально за пару коротких минут.

Первым сдается Кэмерон: он издает тихий смешок, следом за ним Майк, а потом нас всех разбирает жуткий хохот. У меня такое чувство, что я лежала привязанной к рельсам, видела, как приближается поезд, и в самый последний момент сумела распутать веревки и избежать гибели.

– Эй, – карие глаза Майка находят мои в отражении зеркала заднего вида. – Как звать?

– Энди.

– Я Майк, – согнув руку в локте и заведя ее за спинку своего сидения, он протягивает мне раскрытую ладонь для рукопожатия. – Так вот о ком Кэм так много болтает в последнее время.

– Надеюсь, – пожимая теплую руку, я кошусь в сторону Кэма, – что ты слышал только хорошее.

– Да, говорит, что ты постоянно его смешишь.

Это не очень обнадеживает. Кэм обхватывает меня за плечи и притягивает к себе, а я только сейчас осознаю, что моя ладонь все это время лежала на его бедре. Я тут же отдергиваю руку, но сама не отстраняюсь.

– Ты в порядке? – тихо спрашивает он, проскользнув губами по моему виску.

– Да. Умеешь ты впечатлить девушку.

Кэмерон ловит пальцем мой подбородок, заставляя поднять голову и посмотреть ему в глаза.

– Прости меня за это, Банни. Если бы я только знал, что так получится, то в жизни не привел бы тебя в этот чертов бар.

Челка спадает на его лоб, и, набравшись смелости, я протягиваю руку, чтобы дотронуться кончиками пальцев до его мягких волос. Он ловит мою ладонь и переплетает наши пальцы, отчего сердцебиение, которое только начало приходить в норму, вновь учащается, а кровь приливает к щекам.

Запустив пальцы в мои волосы, Кэм склоняется ближе и прикасается своим лбом к моему. Я опускаю ладонь на его грудь и прикрываю веки. Ощушаю его теплое дыхание на своих губах, чувствую скорость, прохладный ветер, что залетает сквозь открытое Зейном окно, шум дороги, голоса парней. И еще мне до боли в животе нравится чувствовать под своей ладонью сердцебиение Кэма.

У меня много вопросов к нему, но я совершенно не хочу ни думать, ни говорить об этом сейчас. Знаю только, что Кэмерон Райт вызывает привыкание.

Глава 10

*Университет.
21.02.18. Утро.*

Больше всего на свете я ненавижу опаздывать на пары. После начала занятия по социологии прошло уже двадцать минут, поэтому я бесшумно толкаю дверь в аудиторию и пытаюсь незаметно проскользнуть на свое место. Мистер Гарднер не замечает моего опоздания или только делает вид, продолжая обсуждать со студентами какой-то вопрос.

Удивляюсь, видя пустующее место Джин, но зато один из стульев рядом занят Кэмероном, и я не могу сдержать глупой улыбки, потому что знаю, что он пришел на лекцию только из-за меня.

– Ты опоздала, – бросает он, двигаясь, чтобы пропустить меня на место. – Не воруй мои фишки.

– Проспала, – говорю я и, скинув куртку, вешаю ее на спинку стула.

– Дай отгадаю, – сев вполоборота, он склоняется ко мне. – Снился эротический сон с моим участием?

Закатив глаза, лезу в сумку и бросаю тетрадь на парту.

– Мне не снятся кошмары, Кэмерон.

Усмехнувшись, Кэм подтягивает к себе мою тетрадь, и сначала мне кажется, что ему просто интересно посмотреть темы предыдущих лекций, но он даже не открывает ее и сразу принимается рисовать что-то на обложке.

На его пальцах видны мелкие ссадины, и это напоминает мне о прошлом вечере: драка в баре, агрессивные смуглые парни, загадочный Майк, оказавшийся, впрочем, вполне дружелюбным. По крайней мере, со мной.

– Ты же понимаешь, что нам придется поговорить об этом, – шепчу я.

– О чем ты, Банни? – беззаботно спрашивает он, не отвлекаясь от рисования. – Если это то, о чем я думаю, то отвечу сразу, что отдамся тебе только после пятого свидания.

– Я говорю об этом, – отвечаю я, кончиками пальцев касаясь тыльной стороны его ладони рядом с содранной кожей на костяшках. – Что это вообще все было?

– Обычная пьяная драка в баре.

Прищурившись, я барабаню пальцами по парте.

– Кэмерон.

– Энди?

Кэм рисует, а я молча смотрю на него, ожидая, что он сдастся. Спустя несколько секунд он со вздохом откладывает ручку.

– Я буквально слышу, как ты мысленно кричишь на меня, – он проводит языком по губам и улыбается мне. – Это возбуждает.

– Не переводи тему.

– Сейчас не время и не место обсуждать это, Банни. Кстати, – он возвращается к рисунку, – мы с тобой в паре.

– Даже боюсь спросить, что ты имеешь в виду.

– Пока тебя не было, мистер Гарднер дал задание, нужно было записать имя напарника, и я выбрал тебя.

– Но я всегда в паре с Джин.

– Да брось, мы же друзья, ты сама вчера говорила, помнишь? Друзья обычно работают в паре, а Текилы здесь нет.

– Ладно, – заправив выбившуюся прядь волос за ухо, перевожу взгляд на пустую доску, словно ища подсказку, – что за задание?

– Кое-что очень интересное. Мы должны заняться петингом и записать свои ощущения. Откинувшись на спинку стула, смеюсь.

– Ты откровенен, знаешь об этом?

– Брось, ты без ума от меня, – Кэм двигается и задевает мое колено своим, отчего мое сердце начинает биться быстрее. – Да там пустяк: нужно придумать пять вопросов и по ответам напарника составить психологический портрет.

– Я твой и без вопросов напишу.

– В этом вся суть задания, мы должны посмотреть друг на друга как на совершенно незнакомых людей без всяких предубеждений. И кстати, Банни?

– Что?

Кэм наклоняется ближе, и до меня доносятся свежие ароматы порошка и фруктовой жвачки.

Я вздрагиваю от неожиданности, когда он касается моей шеи, а затем медленно ведет кончиками пальцев вниз, останавливаясь у воротника футболки. Его теплое дыхание касается моей щеки и посылает волну мурашек по всему телу.

– У тебя футболка надета наизнанку, – он несколько раз дергает за ярлычок и, подмигнув, возвращается к разрисовыванию моей тетради.

Маленький участок кожи, к которому только что прикасался Кэмерон, до сих пор горит, будто его пальцы все еще лежат на моей шее. Опускаю взгляд и, оттянув край серой футболки, действительно вижу швы.

Я накидываю на плечи джинсовую куртку, чтобы спрятать торчащий ярлык и прошу Кэма вернуть мне тетрадь, но он игнорирует мою просьбу и возвращает ее только к концу занятия, а на розовой обложке теперь красуется нарисованный синей пастой Багз Банни с куском пиццы.

– Наши вопросы друг другу должны быть одинаковыми? – спрашиваю я, когда мы выходим из аудитории.

– Не знаю, – взъерошив волосы, он пожимает плечами. – Что? Не смотри на меня так, я запомнил суть задания, этого уже довольно.

– Даже не рассчитывай на то, что я буду делать работу за нас обоих.

– Ты думаешь, я настолько безнадежен, что не в состоянии задать тебе пять вопросов?

– А ты в состоянии ответить мне на тот, что я задала тебе в аудитории?

Кэм толкает дверь, которая ведет на улицу, и пропускает меня вперед.

– Что именно ты хочешь услышать? Почему началась драка?

– Расскажи то, что считаешь нужным. Я не прошу всей правды, хотя бы часть.

Мы останавливаемся у верхних ступеней, встав друг напротив друга. Спрятав руки в передних карманах джинсов, Кэм раздумывает над ответом.

– У Майка напряженные отношения с теми ребятами из бара, он специально спровоцировал их, явившись туда. Я не думал, что он вообще когда-либо снова переступит этот порог. Вот и весь секрет. Но, думаю, это и так было понятно. Или ты хочешь узнать, почему Майк с ними не в ладах?

Это прозвучало как: «Ты действительно лезешь не в свое дело».

Вздохнув, Кэм протягивает руку и, поймав прядь моих волос, выбившихся из пучка, заправляет ее за ухо.

– Это личные дела Майка, и я не думаю, что это имеет хоть какое-то отношение к нам с тобой.

Он прав, дела Майка не имеют отношения ко мне, к нам и нашей «дружбе», но имеют ли они отношение к самому Кэмерону? И я знаю, что он не обязан делиться со мной секретами друга, но это злит меня, потому что мне хочется, чтобы Кэм был более открытым по отношению ко мне и показал, что доверяет. Тогда и я смогу доверять ему. Мне не нравится, что я почти ничего не знаю о Кэме, но при этом он почти не выходит у меня из головы, и меня пугает это помешательство.

– Энди! – оборачиваюсь на голос Джин, та бежит по ступеням.

– Ты где была?

– На юриспруденции, – отвечает она, тяжело дыша.

– Ты же в курсе, – помедлив, говорю я, – что у тебя нет этого предмета?

– Пыталась извиниться перед Нейтом.

– И?

– Ничего, – крепко зажмурившись, она запускает пальцы в волосы. – Черт, я так облажалась! Я же совсем не то имела в виду. Что мне теперь делать?

– Может, просто дать ему время?

– А есть что-нибудь, что не занимает много времени?

Обхватив себя руками, Джин нервно кусает губу и словно только сейчас замечает Кэмерона.

– Нужно мужское мнение, – говорит она, глядя на него. – Тебе когда-нибудь делала больно девушка?

– Ну, – остановившись позади, он обнимает меня за плечи и прижимает спиной к своей груди. – Одна моя подруга не видит в наших отношениях ничего, кроме дружбы и постоянно пытается уколоть меня, чтобы уязвить мою самооценку, это считается?

Джин внимательно смотрит на руки Кэма на моих плечах. Ее удивляет, что я даже не сопротивляюсь. Заметив это и опомнившись, я, хоть и неуверенно, пытаюсь отстраниться от Кэма, но он даже не думает выпускать меня из своих рук.

– Считается, – наконец отвечает Джин, едва сдерживая улыбку. – Как сделать так, чтобы друг, которому я сделала больно, простил меня?

– Может, – Кэмерон сжимает меня крепче и легонько встряхивает, – ответить ему взаимностью?

– Мы сейчас говорим о Нейте, а не о тебе, Кэм, – отвечаю я.

– Ответ все равно тот же. Даже если ты помиришься с Нейтом, он всегда будет хотеть большего, а ты будешь продолжать делать ему больно. Чтобы понять его, нужно поставить себя на его место. Но я думаю, что тебе будет не трудно это сделать. У тебя два варианта: ответ взаимностью или отпусти.

– Нет, мне нужен третий вариант, где мы снова общаемся как раньше. Я не хочу потерять друга, понимаешь?

– Поздно, ты уже потеряла его как друга, Тоник, – я толкаю Кэма локтем, и он тут же исправляется: – Джин. Хватит быть эгоисткой, своей дружбой ты сделаешь ему только хуже.

Джини снова и снова качает головой. Она не хочет соглашаться с Кэмом и по-прежнему не хочет слышать правды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.